

ЭЛЬФИЙСКАЯ ВЕДЬМА

Дорофея Ларичева

Дорофея Ларичева
Эльфийская ведьма

«Автор»

2020

Ларичева Д.

Эльфийская ведьма / Д. Ларичева — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-07632-7

Эльфийской принцессе предстоит путь от изгоя на родине до могущественнейшей ведьмы людского королевства. Её ждут интриги, предательства, магия, любовь, потери и возвышения. За каждым её шагом следят враги: люди, эльфы, демоны. Стоит оступиться, неверно рассчитать ходы, и придут позор и забвение. В романе 5 взаимосвязанных эпизодов-историй, происходящих в разное время в разных мирах.

ISBN 978-5-532-07632-7

© Ларичева Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Эпизод 1. Побег	6
1	7
2	15
3	19
4	26
5	33
6	40
Эпизод 2. Переворот	42
1	43
2	48
3	50
3	56
4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Дорофея Ларичева

Эльфийская ведьма

Карта для первых трёх эпизодов

Эпизод 1. Побег

...Территория людей и эльфов. Людское королевство Кавира...

1

Старый Рион взял с собой не много вещей. Согласно предсказанию гадалки, скоро зимние ветра задуют прогоревшие угли его жизни, и тогда не останется ничего. Перед смертью хотелось ещё раз окинуть взглядом пройденный путь, побывать в столице, откуда юношей был отправлен в дальний приграничный гарнизон, увидеть сыновей. До старости он защищал городишко, веками ютившийся на границе с королевством Ир, под боком Угрюмого леса, от волков-оборотней, от вампиров, от прочей нежити. Ещё по весне ходил в пограничные рейды. А потом разом не него навалились прожитые годы, слишком стар стал, силу чародейскую растратил.

Прошлой зимой слегла и не встала жена, давно разлетелись по свету дети. Один даже в чародеи пошел. Дочка бы ещё была, коли не ведьмовская метка на левой ключице. Не утаил, отняли, забрали на воспитание... Теперь Рион и об этом не сожалел. Что боги дали, то и взяли. Сыновей бы увидеть хоть глазочком. Хоть издали.

Лесная тропинка разветвлялась, одним рукавом убегая к тракту, другим углубляясь в лес. Сколько нечисти там он, Рион, положил? И дружина у него была достойная. Да только никого уже в живых нет.

На душе старика было смурно и гадко. Хмурый осенний день добавлял безысходности. Под ноги ложились ржавые листья – прощальные письма умершего лета. И путник чувствовал, что вместе с увяданием природы увянет и его жизнь.

Свернув в сторону тракта, Рион очень надеялся выйти из леса до заката. Сквозь густые переплетающиеся ветви многовековых деревьев просочились первые капли начинающегося дождя. Старик поморщился, отвлёкся от невесёлых мыслей и замер, ощутив слезку ненавязчивую, беспристрастную. От невидимого соглядатая не исходило ни ненависти, ни даже простого любопытства. А далеко-далеко, где-то на пределе слышимости зазвенели колокольцы, будто кортеж эльфийского короля над трактом летел, не касаясь древних камней. Эльфам тут взяться неоткуда. Выходит, нечисть балует.

Рион сплюнул под ноги и огляделся. Вокруг стремительно темнело. Только что полдень миновал, а под кустами и между деревьев уже чернота непроглядная. И в ней силуэты столь же чёрные чудились. Перепрелыми листьями, перегнившей хвоей пахло, болотными ароматами...

– Здравствуй, хозяин! Не трогал я тебя, и ты меня не тронь. А что твоих подданных истреблял – не обессудь. Они сами с людьми безобразия творили, – громко выкрикнул бывший хранитель.

Некогда мощный голос не вызвал эха. Лес ответил безразличным молчанием. Видать, у него свои счёты с Рионом. Старик понимал – возврата нет. Не помогут ни вывернутая наизнанку одежда, ни переобутые с левой на правую, с правой на левую ногу сапоги. Коли лесовик в гости позвал (или на расправу заманил), в какую сторону не иди, окажешься там, где этому самому лесовику надобен.

Обещавшая вначале привести к тракту тропа петляла вглубь леса, судя по усиливающемуся запаху, к мёртвым топям.

Бледные бутоны болотных цветов болезненно клонились к земле. Почва дышала, проседала под тяжестью Риона, порой с нежеланием выпуская из плена сапоги с металлическими набойками. Тоскливое зудение комаров то смолкало, то с утроенным остервенением разрывало наполненный угрозой воздух...

«Дождались своего часа, радуются!» – подумал Рион, и сам удивился, не почувствовав при этом ни досады, ни сожалений. Всё правильно. По делам и воздаяние.

Тропинка вильнула за уродливо выгнувшуюся берёзу, за раскорячившиеся у земли кусты с изъеденными паршой листьями и вывела на небольшую поляну. Абсолютно сухую, ухожен-

ную, чистую поляну посреди которой стоял обтянутый белой кожей диван. На нём лёжа читала книгу остроухая эльфа. Фонарики-светляки медленно кружились над её белокурой головой. Аккуратные локоны закрывали лицо. Зелёный брючный костюм поблескивал сотнями серебристых нашивок, обтягивая стройную фигурку.

Ложе эльфы окружали цветущие ландыши, источавшие кружащий голову аромат. Рион терпеть не мог этот запах. От него к горлу подступил комок тошноты. В голодном желудке тихо заурчало. Но разве можно вести подобным образом в присутствии благородной? Поэтому старик потоптался в тени деревьев, перебарывая себя, и только окликнул.

– Эй!

Многие думают, что эльфы всегда прекрасны. Отнюдь. Это к годам девяноста-ста двадцати долгоживущими можно залюбоваться. А до этих пор... Самый уродливый людской ребятенок прекрасней несовершеннолетнего дитя древнего народа.

В молодости Риону доводилось посещать эльфийский город Вадарану, поэтому он не испытал шока, когда эльфа лет семидесяти отроду, совсем ещё девочка, подняла от книги прыщавое, испещрённое канпушками и глубокими морщинами щекастое лицо с приплюснутым, почти свинячьим носом-рылом. Блеснули узкие раскосые глаза пока лишенные ресниц. На высокий лоб упала кудрявая прядь.

Рассмотрев старика, малявка широко улыбнулась, демонстрируя мелкие, далеко отстоящие друг от друга заострённые зубки, ещё молочные. Внутренне Рион содрогнулся от отвращения. Но тут же одёрнул себя: «Лет через тридцать от этой мимры глаз отвести нельзя будет. Только я до такого не доживу». Грусть коснулась его души холодным крылом.

– Ты что здесь делаешь? – спросил он эльфу. – Мамка с папкой где?

– Зачем тебе? Не для расспросов я призвала тебя, смертный! – заносчиво отозвалась малявка, захлопнув книгу.

И бывший Хранитель понял по её тону – сбежала. То ли натворила что-то, то ли с родителями поругалась, не важно. Главное – малолетняя эльфа нарушила древнее правило, тысячелетиями хранящее репутацию долгоживущего народа, и покинула защищённую родину до совершеннолетия. Теперь ищет приключений на свои длинные уши.

– А я не напрашивался на вызов! – вырастивший четверых сыновей и не один десяток дружинников Рион скопировал её интонации. Эльфа удивлённо захлопала глазами. – Что натворила, раз в глуши прячешься?

– Почему ты так считаешь? – эльфа насупилась. – Я нуждаюсь в помощи. Ты будешь моим проводником. Мне необходимо срочно попасть в Кавиру. Тут рядом пролегает граница с ней.

– Так попади. С лесовиком договорилась, нечисти лесной не боишься. Что здесь сложного – границу перейти?

Рион начал злиться, но тут же приказал себе успокоиться. Ночь близко. А девочка-то одна в населённой нечистой чаще. Пусть за годы его сила угасла, на пару-тройку заклинаний старика хватит. Только бы беглянку из леса выйти. А там, если занудничать будет, можно сдать соплеменникам. Не ради награды, деньги в могилу не унести. Нечего юной да глупой по лесам чужой страны шастать.

– Ладно, маленькая, куда именно тебе надо?

Он решил умолчать, что границу между Ирью и Кавирой малявка преодолела самостоятельно, не обратив внимание на ловушки, поставленные на людей и на нечисть.

– В Тардрагею. И не маленькая я! – девчонка насупилась.

– В столицу? Зачем ещё? – не сдержался старик.

– Надо, – ответ эльфы был исчерпывающим.

– Чем расплатишься?

Стоять перед рассевшейся девчонкой было неприятно, и Рион опустил на корточки. Уродливая эльфийская мордашка недовольно сморщилась.

– Я наслед... Я благородного происхождения! – заносчиво повысила голос прыщавая девчонка. – Я оказала тебе честь, почтив своим вниманием, а ты смеешь требовать платы?!

– Это ты слугам будешь в отцовском дворце говорить, но не мне. Ещё коренные зубы не заимела, а уже командуешь!

Эльфа насупилась, призадумалась. Правильно, пусть о своём поведении подумает. Рион не собирался пожить за счёт приبلудившейся принцесски. Просто решил заставить эту страхолюдину себя уважать. Тем более, если до столицы ехать... «До какой столицы? – удивился он своим мыслям. – Сдам её первому попавшемуся патрулю и весь разговор». Но уже знал, не сдаст. Будет нянькаться до конца.

– Вот! – девчонка тем временем сняла с шеи золотой кулон с голубым блестящим камнем и протянула Риону. – Он дорогой. И... у меня больше ничего нет ценного, – виновато ответила непредусмотрительная беглянка.

– Идёт.

Кулон исчез во внутреннем кармане куртки. «Ничего ценного... Видать, сбежала ты, голубушка, во время путешествия с родителями или свитой. И ищут тебя все окрестные чародеи. Ведь до ближайшего эльфийского поселения недели три пути». Тот факт, что малявка могла быть обучена телепортации, старик решил даже не рассматривать. «У меня твоё барахло ценнее будет. В столице покажу камень кому следует, живо родню отыщут».

– Звать тебя как, благородная?

– Тюве. То есть Тюверизель Сирви Латраднифель Ао`Кше Дармирс Фервалесрия. Сереброглазая звезда эльфийского расцвета, взошедшая над Восточным морем в добрый час.

– Тюве, так Тюве. А меня можешь звать Рионом.

За то время, пока они выбирались из леса, старик имел возможность убедиться – девчонка готовилась к путешествию основательно. Во-первых, диван оказался не простой иллюзией. Когда первичные чары спали, под ними оказалась лёгкая решетчатая конструкция на колёсах. Больше всего она напоминала детскую коляску, так любимую городскими мамами. Только гораздо большую по размеру. Разложил – лёг отдохнул. Сложил – кати впереди себя. И вещи пристроить удобно. Вещей у Тюве было предостаточно. Две увесистых сумки и заплечный рюкзачок.

Во-вторых, вооружилась малявка тоже не по-детски. За поясом короткий меч. В голенищах сапог – по кинжалу. Она дважды проверила их сохранность перед дорогой. На шее – ворох амулетов и оберегов. С такими никакие волки-оборотни не страшны. Вот только людей кроха до Риона не встречала. И это было весьма плохо. Выкинет чего-нибудь в приличной компании...

Выбрались они из чащи за два часа до полуночи. И у самой кромки леса, нисколько не страшась нечисти, эльфа тут же пожелала отдохнуть.

– Я же ещё маленькая, как ты сам заметил. Мне режим соблюдать нужно, – заявило это наглое прыщавое создание, вновь преобразуя коляску в диван.

Девочка извлекла из сумки пушистый желтый плед и улеглась, накрывшись с головой. Рион только хмыкнул. Спи, эльфийское отродье.

– Да, – Тюве отогнула краешек пледа, – далеко не уходи. Я нас защитным куполом накрыла, если напасть кто вздумает. Больно будет.

Старик снисходительно усмехнулся. Боли он не боялся. Не раз из схваток с оборотнями его еле живого приносили в селение, по несколько недель выхаживали, пока он сам свои чародейские способности мог применить, до конца излечиться.

Звёзды высыпали посмотреть, что будет делать бывший хранитель. А что тут сделаешь? Стоило проверить слова девчонки, чтобы шипя от боли отползать от невидимой границы, так и не сумев вырваться на волю.

По ту сторону защитного контура печально завывали, не дождавшись такой близкой, и в то же время недостижимой добычи. Оборотни. Не два и не три. Больше. Рион быстро пробормотал молитву.

«Ну и силища у малявки! Как бы не магическим ремёслам учиться сбежала», – подумал старик, с благодарностью поглядывая на мирно сопящую уродину. Что ещё ей могло понадобиться в людском королевстве?

Спать бывший сотник не собирался, лишь прилечь, дав отдых ноющим ногам. Выбрав одну из эльфийских сумок, ту, что помягче, Рион положил её под голову, приготовился смотреть на звёзды да обдумывать своё будущее, и тут же провалился в сон.

Едва не успевшие улететь на юг птицы начали звонкую переключку в предрассветной темноте, эльфа засобиравшись в дорогу. Вытряхнув на диван груды разноцветного тряпья, она принялась наряжаться. Рион деликатно отвернулся. А через пару минут, едва взглянул в сторону малолетней спутницы, зашелся в приступе хохота.

– Что не так? – непонимающе уставилась на него девочка.

– Орчи сумасшедшие не прогулке! Ну и вырядилась! Потеха!

Эльфа покраснела и топнула ножкой от возмущения.

– Я на гравюрах такое видела! Мне это лучший портной шил! И на бале-маскараде, где я была человечкой, мне дали первый приз!

– Отправляйся на свой маскарад! Ой, не могу! Ой, плохо мне! – хохотал Рион, держась за живот.

А развеселиться было от чего. Тюве напялила войлочные сапоги, длинную юбку в ромашках, голубой передник с кружевной оборкой, наёмничью кожаную куртку на шнуровке из-под которой выглядывала чёрная траурная рубаша. На шее болтался свадебный амулет жениха. Голову украшал розовый кружевной чепец юности Рионовой прабабки, но почему-то с солдатским козырьком.

– Снимай немедленно. Тебя же в первой деревне поколотят! Ой, смотреть нельзя!

– Да ты завидуешь! Мне это сам Ядельберт Ясноокий шил! – девочка не желала верить, что так тщательно подготовленному наряду место на помойке.

Рион уже несколько не жалел о постигнувшем его приключении. Сегодняшнее утро компенсировало неудобства от встречи.

Вороны равнодушно взирали на происходящее с высоких сосен. В кустах шуршал кто-то маленький и не страшный. А впереди медленно поднималось солнце из-за края плоской как сковорода равнины, на которой ветер шевелил ещё не пригнутые дождями засыхающие травы.

Если пройти чуть левее, за деревьями будет деревушка. А, главное, тракт. Можно направиться в обоз до ближайшего города.

Пока Рион созерцал окрестности, Тюве докумекала, что в таком виде, пожалуй, соваться к людям не стоит.

– Человек, а как мне одеться, чтобы сойти за вашу? – с вернувшимся высокомерием в голосе осведомилась она.

– За нашу? В зеркало вначале на себя взгляни, тогда и решишь, за кого сойдёшь, – старик вздохнул. – Оденься поудобней, а сама морок на мордашку наведи. И маскарада этого не нужно будет.

– Так я не умею на себе! – в отчаянии выдала малявка. – Стала бы я тебя, человек, просить о помощи, умею я подобное.

– Меня Рионом зовут, я уже говорил, – напомнил ей бывший сотник. – За орчанку сойдёшь. Дети этого бродячего племени столь же... необычны для людей, как и эльфыта.

«Правда, покрасивей тебя раз в сто будут», – мысленно добавил он.

Так что Тюве пришлось нарядиться по-простому. Походные брючки и удобные кожаные сапожки решили не снимать, только серебристые бляхи отрезать. Очистив землю от дёрна и полив водой из фляги, старик приказал девчонке извлекаться в грязь.

– Мордашку тоже мажь. Чтобы... чтобы красоту прикрыть.

На все протесты своенравной принцесски пришлось привести железный аргумент: у орков землистый цвет лица, и они не слишком чистоплотны. Девочка покапризничала, а потом с завидным упорством принялась умываться грязью.

Узнав, что орки лысы, Тюве безжалостно обкорнала светлые локоны, став ещё безобразней. «Чего ж тебя так припекло, милая? – подумалось Риону. – Видать от беды какой бежишь». Воображение тут же нарисовало картину враждующих эльфийских кланов и единственную уцелевшую наследницу, спасающуюся от верной гибели. Но гадать смысла не было. Захочет – сама расскажет.

На короткий ежик, оставшийся от шикарных волос, впору пришелся розовый чепец, уже без козырька. Орки обожают людские наряды, только ни меры, ни вкуса у них нет. Так что странно девочка не смотрелась. Ромашковая юбка пошла на шаль поверх нижней белой блузки. Кожаную куртку тоже решили надеть. Осень, холодно.

– Остальное выкинь, а лучше сожги. Иначе первый пограничный патруль тебя вычислит и осудит за воровство.

«Какое воровство?», – захотелось выкрикнуть девочка. И умолкла. Все её вещи взяты без спроса. Себя она тоже выкрала. В груди заныло от пережитого унижения и обиды.

– Оружие не выкину. Диван тоже! – упёрлась малявка.

– Тогда ворожи, чтобы добропорядочным крестьянам это на глаза не попало, – сказал старик, а сам задумался, как лучше представить девчонку.

Орчи женщины – попрошайки. Деньги выманить у зазевавшегося путника им, что в носу поковырять. Голоса у орчанок визгливые, противные. Одежда неопрятная. Зато гадают они мастерски, тёмными чарами владеют. А рассказчицы – заслушаешься.

Орки – мужчины – воины, слову верны, дерутся – устали не знают. Пьют тоже за десятых. Там где человек под стол свалится без памяти, орку только губы намочить. Поэтому и ценят их, не гонят, с радостью берут в стражу и благородные герцоги, и даже сам король.

– Дочкой моего боевого товарища представляться будешь. Тюве. Полное имя Тювёха Одноуховна. Отца звали твоего э – э – э, дай подумать, – Рион перебирал в памяти имена знакомых орков. – Брюхач. Брюхач Одноух. И ты едешь в столицу его разыскивать. Встретились мы с тобой случайно. Я тоже, значит, в столицу. Дела у меня там пограничные. Вот я тебя и охраняю, чтобы нехорошие люди или орки не обидели.

Сжав тонкие губки в ниточку, эльфа обреченно кивала.

К деревне Свистульки они вышли через час с небольшим. Аккуратные хаты складывались в три длинных улицы. В огородах копошились женщины, убирая запоздалый урожай, или готовя землю к зиме. Белые ставни, крытые соломой крыши, слабенький защитный контур вокруг околицы. Местного чародея Рион знал, но общаться не желал. Увидит его Охлык, потащит в таверну, на своих ногах не выйдешь. А Рион поклялся себе – не пить. Силы нужны доехать до Тардрагеи. Чуть-чуть до зимы осталось. Хоть бы старшенького увидеть...

Отведя взгляд от единственной здесь черепичной крыши таверны, он повернулся к Тюве и, порывшись в карманах, дал несколько медных монет.

– Поди принеси бутылку кваса, ветчины, хлеба, и чего-нибудь ещё, – приказал он ей, тыча пальцем в сторону яркой вывески.

– Но я...

– Разве среди орчанок есть трусихи? Вперёд. А я визнаю, на чём мы поедем. Коляску свою мне оставь.

Коляска преобразовалась в ржавую садовую тележку и теперь не заинтересовала бы даже самого невзыскательного крестьянина. Толкая её, Рион направился к местному писцу, регистрирующему всех путников, проезжающих по тракту. Дойдя до высокого добротного дома писца, он не удержался, прошептал заклинание подглядывания – одно из немногих, доступных ему сейчас, и понаблюдал, как девочка общается с трактирщиком. Эльфа боялась, стеснялась и хотела произвести впечатление на окружающих одновременно, поэтому смотрелась вполне натурально для диковатой орчанки, выросшей в степи.

Орков девочка видела всего один раз в жизни, во время путешествия с родителями. Видела из окна кареты, но цепко схватила их основные манеры. А вот Рион оказался первым человеком, встреченным ею. Всё это он выяснил у неё за время дороги в Свистульки. Только причину её стремления в Тардрагею вывести не сумел. Эльфа молчала, сердилась, огрызалась загнанной в угол куницей, уводила разговор в сторону.

Понаблюдав, как Тюве расплатилась с трактирщиком, Рион с чистой совестью деактивировал заклинание и постучался в дубовые двери писца. Веревочку со звонка кто-то оторвал, и её куцый хвостик торчал слишком высоко даже для Риона.

– Что надоть? – зарычали из-за двери. Необычный глубокий голос заставил бывшего хранителя вздрогнуть.

Ишь, пса говорящего завел. Дорого ты берёшь, Вик, зазнался, раз щенком ирской тени разжился.

– Хозяин твой где? Зови скорее, дело есть.

Не прошло и минуты, как дверь отворилась, дымное полупрозрачное создание отпрыгнуло прочь от полосы света, уступая дорогу рыжему плешивому коротышке в шелковой засаленной рубаше.

– А, Рион Остронос пожаловал! – словно разлил горшок мёда к ногам гостя писец. – Поймал кого? Контрабандистом похващаешь али зверем диковинным? Завтра зверинец прибывает, барыши хорошие срубим! – на едином дыхании выдал он, шаря карими глазенками по наряду бывшего сотника, выискивая следы ночной схватки. – На сколько потянет добыча?

– Уймись, Вик. Стар я уже зверьё гонять. В столицу мне надо и побыстрей.

Рион сделал шаг вперёд, заставив предприимчивого писца попятиться.

– В столицу? – писец встрепенулся. – Ценное что-то раздобыл? Так мне описать это следует, подорожную на провоз выдать. Я не много с тебя возьму по дружбе. Или давай мне, я впарю задорого, потом барыши поделим. Дураков при деньгах сейчас много.

Он привстал на цыпочки в надежде высмотреть за плечом Риона чем бы поживиться. Не ждет ли у забора дружина, не бьётся ли на привязи очередная диковинная тварь, порождение тёмной магии чародеев Ири. Риону вдруг стало противно, от того, что столько лет имел дело вот с этим сморчком. Вместе с потерянной должностью исчез и интерес налаживать отношения с недостойным называться настоящим мужчиной торгашом.

– Не тараторь. По личному делу я. Сына навестить в столице. Со мной ещё орчанка малая. К отцу – дружиннику спешит. Так что отвечай, когда ближайший караван в ту сторону был. Реального ли его догнать?

– Как, Остронос не помнит, когда через его владения проходили обозы? – приподнял жиденькие брови рыжий.

– Заканчивай паясничать. С Лисной заставы кто проходил?

– Три золотых, и подробный отчет представляю, даже о том, сколько серёг в ухе у хозяина – караванщика, – обнаглел писец. – Учítывая, что я здесь один такой на всю округу...

Дослушать причитания рыжего не получилось. С улицы раздался жалобный крик. Тюве. А эта дурёха во что вляпалась?

Дабы ускорить процесс, Рион плюнул на приличия, и схватил Вика за шкуру.

– Либо говоришь немедленно, либо...

– Я же на благо государства, не из личной корысти... – пискнул писец.

– Я признаю твою правоту как только ты согласишься со мной. Рассказывай, а то считаю до одного.

– Час назад ушел караван с Лисной заставы. Не через Свистульки. Гонца присылали за подорожной. Короткой дорогой поехали по старому тракту.

На улице снова запищала эльфа. Надо выручать.

– Пиши подорожную! Да быстро!

Тщедушное тельце писца вновь содрогнулось от встряски.

– Видать охота в лесу не задалась! – проорчал Вик, нацарапав на листке несколько строчек и поставив закорючестую подпись. – Ты мне благодарен должен быть. Я тебя как лучшего друга...

– Я тебе признателен настолько, что опасаюсь послать куда подальше, авось не вернёшься.

Рион дождался, пока писец наложит охранные чары, запихнул долгожданный листик за пазуху и выскочил из дома спасать вляпавшуюся в приключения девчонку. Эх, как-бы растолковать эльфе, что люди не любят, когда их задирают другие расы, какими бы древними те не казались.

Тюве сидела на берёзе. Высоко. Очень. Внизу шумели разозлённые бабы. У одной в руке была длинная хворостина. Вторая потрясала старой и оттого более жгучей крапивой. Остальные радостно глазели на бесплатное зрелище.

– Слезай, поганка! Слезай, пороть буду!

Хворостина свистнула, рассекая воздух. И только. Тюве загнанной кошкой зыркала вниз, прижимаясь к стволу, невероятным образом удерживаясь на тонких ветвях.

– Бабоньки, что моя Тювёха натворила? Могу помочь беде? – осторожно спросил он.

Что тут началось! Тётки загалдели разом, не давая возможности вставить слово. Из их сорочьей трескотни прояснилось только то, что девочка отвязала коз в палисаднике, те сорвали верёвку со стиранным бельём и принялись таскать её по свежевскопанному огороду.

– Столько труда! Я с утра работала, а эта страхолюдина в раз всё испортила! – наконец закончила гневную речь самая болтливая.

– Бабоньки, прошу прощения за дикарку. В степи она выросла, коз не видела. Вот и напроказничала. Держите вам гостинцы в компенсацию за труды и беспокойство. Знатные украшения. В пору эльфийской королеве щеголять. И простите малявку. Глупа ещё.

И он протянул каждой по паре серебристых нашивок с костюма Тюве. Нашивки оказались искусно выкованными, узорчатыми, ярко блестящими на слабеньком осеннем солнышке. Бабы для вида поворчали, поругали девчонку и умолкли под суровым взглядом Риона.

– Теперь к нам нет претензий?

– Неа-а-а, – протянули пострадавшие бабы и, выкинув страшное оружие расправы в канаву, пошли по домам, чтобы там рассмотреть как следует диковинные подарки хранителя границы. Остальные тоже потеряли интерес к происходящему.

Только убедившись, что мучительницы скрылись из виду, эльфа боязливо слезла вниз.

– Еда там, у забора, – указала она, потирая руки, с которыми поздоровались жесткие листья крапивы. Куда только спесь делась? Видать, пока на дерево загнали, бабы здорово девчонку потрепали. Но почему она чары не применила?

– Зачем полезла, куда не положено? – не удержался Рион, сгружая купленные продукты в тележку.

– Так ты сам пожелал коней. А эти... как их... козы... Они грязные, но похожи на наших нифов.

– На кого? – Рион поспешил к конюшне.

– Нифы по воздуху летать могут и груз тяжелый носят. Только они вредные, – едва успевая за ним, пыхтела Тюве, толкая впереди потяжелевшую тележку.

– Дурёха, – только и сказал ей Рион.

Коней они выменяли за оставшиеся блестящие нашивки. Караван нагнали после полудня. Выданная писарем подорожная позволила избежать налога на присоединение к караванщикам. Заплатили только за проезд на телегах. К тому же купцы с радостью наняли Риона охранять их добро от разбойников, ибо чародей-охранник, совсем ещё мальчишка, валялся на телеге, горя от лихорадки. Тюве вызвалась его выхаживать. И то хорошо, под ногами мешаться не будет.

До заката Рион объяснял неразумной девчонке, что делают в Кавире с ворами, как относятся к эльфам, рассказал об основах вежливости.

– Поняла уже, – с эльфы слетела спесь.

Теперь мелкая не спешила дерзить и задаваться. Рион довольно улыбнулся. Целее будет, дурочка. А то вляпается в беду, сама не заметит, и его втянет.

Так началось их путешествие по плоской равнине мимо сонных деревень и небольших лесочков. Рион болтал с караванщиками, пару раз отгонял мелкую нечисть, неопасную для людей, но способную здорово напугать коней. Тюве молчала, безуспешно ворожила над хворым пареньком. Беспамятный мальчишка казался ей таким же брошенным и несчастным, как и она сама. Перед глазами девочки разворачивались виденья недавнего прошлого – её беззаботной жизни, ныне потерянной навсегда.

2

В распахнутое витражное окно лился розоватый вечерний свет, причудливо отражающийся от тёмно-янтарных городских башен. С тысячелетних лэров осыпались цветы. Алые лепестки завораживающим узором устилали желтые камни мостовой и двор отцовского дворца.

Отец... Третий принц, далеко не наследник, но очень влиятельная личность в городском совете сам обрёк младшую дочь на незавидную участь. Минуло пять дней, как ей, Тюверизель, стукнуло сто тридцать лет. Она уже десять лет, как вступила во взрослый возраст, а лицом и телом осталась ребёнком. Недозрелка.

Четыре дня назад городские чародеи вынесли страшный вердикт – это навсегда. Ей никогда не суждено похорошеть, стать похожей на мать или сестёр. И посему её ждёт приют, дабы уродка не портила престиж всего эльфийского народа.

Уродливая эльфа! Где это видано! Её вместе с такими же неудачниками будут стеречь големы. Они не болтливы, не станут тыкать пальцем и подленько колоть без того изболевшееся сердце: «Смотрите-ка, эльфийские выродки: уроды и уродки! Гы-гы-гы!»

Её глаза были сухими и лишь слегка щипали, когда она щурилась от сияния камней силы на шпилях башен королевского дворца. Тюверизель не собиралась жертвовать собой ради сомнительного престижа рода, ради спокойствия городских чародеев. Отец и так потеряет ряд привилегий с её отъездом. Но по-прежнему останется уважаемым и влиятельным.

На висящей в воздухе постели стояли две сумки, собранные сегодня утром служанками. В одной простая одежда (зачем теперь Тюве роскошные наряды?). В другой футляр со свитками (упросила разрешения взять их из отцовской библиотеки) и всякие необходимые девушке мелочи. С минуты на минуту придут Слуги Отчаянья – исполнители «скорбной королевской воли», препроводить её в последний путь – в приют, где ей, Тюве, предназначено провести оставшиеся десять – пятнадцать сотен лет. Всего ничего... Вот только уздечку им от дохлой кобылы, а не приют.

Тюверизель оторвала взгляд от сияющей немеркнувшей славой Аллванфии, эльфийской столицы королевства Варандэ. Четыре дня назад её официально заявляли – сюда она больше не вернётся. Чего теперь горевать? Говорят, люди чем-то похожи на эльфов, только красотой не блещут. Вдруг за свою сойти получится, влиться в «нечистый» народ? Главное, чтобы в план побега не вкралась какая-нибудь неожиданность.

Из представителей других рас эльфийская принцесса видела одного старого больного дракона, обитавшего на привязи в королевском дворце, и троих орков. И то мельком. За пределы сияющей Аллванфии она ещё никогда не выезжала. Что ж, всё когда-нибудь бывает впервые.

Быстро выпотрошив сумку с приютскими вещами, девушка принялась готовиться с собственному путешествию. На дно легла лёгкая металлическая конструкция, способная превратиться и в удобную тележку, и в мягкий диван. Поверх поместились две сумочки поменьше, подготовленные ещё три дня назад, и заплечный рюкзак. Прикрыв верх приютским тряпьем, девушка зачаровала замок. Всё, теперь она готова.

Сейчас поведут прощаться с родителями. Приложитесь, милочка, к ручке матушки, пожмите ладонь папочки. Тюверизель аж фыркнула. Родители! Сами настояли на её обследовании. Мол, нашей дочке столько лет, а она ещё не похорошела! Что соседи скажут! А что соседям? Дело им, будто, до чужого отпрыска. Встретились раз в десять лет, поахали: «Ваша ещё маленькая? А наш уже в полку служит. Или на арфе во дворце играет. Или... Да мало ли занятий для благородного эльфа... Посмотрели соседи на чужую девчушку и из головы выкинули, а отца и мать чувство собственной значимости гложет. Не как все! Как же так?

Не просит она им этого унижения. На всю жизнь запомнит, как привели её в громадный гулкий зал с колонными из дымчатого хрусталя, люстрами с драконьим пламенем. За длинным малахитовым столом собрались ведьмы и чародеи королевства. Прекрасные, равнодушные... На длинных церемониальных одеяниях блестели бриллианты и изумруды, в высоких причёсках благоухали цветы...

– Девочка... Ах, что с ней? Не взрослеет? Разберёмся. А знаете, я сейчас выставку делаю, не хотите прийти посмотреть. Новое слово в живописи. Я синтезировал уникальный цвет, позволяющий...

– А племянница главного менестреля вышла замуж за...

– Ей платье на свадьбу шил сам...

– Поглядите, какой я браслет я заказала у мастера Фиарбелла...

– Ах, девочка, ну, раздевайся, маленькая. Что, не маленькая уже? Разберёмся. Говорят, королевство Ирь готовит нападение на Кавиру.

– Они уже двадцать лет, как оружием бряцают, а никак не соберутся.

– Кавира? А где это?...

– Девочка, ах, мы про тебя чуть не забыли...

Её, наконец, осмотрели, провели по Лабиринту четырёх стихий, пощупали личное поле силы и не только поле, при этом обсудили каждый её прыщик, каждую черточку лица так, словно перед ними была не принцесса, а кукла. После чего чародеи и ведьмы дружно постановили: уродлива до конца дней. Силы, отвечающие за перерождение у неё не силы, а слабости. С годами их не станет вовсе. Держать недозрелку с другими молодыми эльфами опасно, дабы не повлияла она пагубно на их развитие. А посему – сослать.

Мать, выслушав вердикт, утёрла прекрасные глаза кружевным платочком, расшитым по краю алмазами. Отец тяжело вздохнул, тряхнул золотыми прядями и повелел дочке собираться в дорогу. Отныне ей позволялось писать им раз в год не слишком длинные письма и получать ещё более короткие ответы.

Умом Тюве понимала их. У отца шестнадцать детей. Причём от её матери, нынешней жены, шестеро. Одним ребёнком больше, одним меньше. В семье королевского брата не может быть несовершеннолетних, тем более убогих.

От воспоминаний по лицу юной эльфы текли слёзы. Но девочка упорно вызывала в памяти те дни. Давным-давно отец учил её: «Нельзя оправдывать предательство. Простить можно, оправдать нельзя. Через оправдание мы предаём самих себя». Вот и она не собиралась оправдывать семью. Прощать тоже не желала.

Над фигурными башенками внизу пролетели стражи на белых нифах. Со стройных стволов лэров протрубили Конец забот – начало празднеств. А к воротам дворца подкатила карета, управляемая Слугами Отчаянья – исполнителями печальной воли короля. Их переливающиеся всеми цветами плащи развивались без малейших усилий ветра. Пора.

Тюве позвала прислугу, чтобы та сгрузила тяжелые сумки на летучий коврик и отправилась в покои родителей. Новенькая служанка, имя которой Тюве не потрудились запомнить, встала на край коврика за её спиной. Это хорошо. Прости, милочка, не тебе грозит гнить в презренном месте, поэтому небольшое наказание от отца не будет для тебя фатальным.

Огромный зал. Расставленные на серебряных мольбертах картины – повесть о славных деяниях великих предков. Развивающиеся шелковые портьеры нежно-розового цвета. Растущий прямо из мраморного мозаичного пола куст жасмина. В кресле, сильно смахивающим на гнездо, восседающие отец с матерью.

Всё верно, они прощаются официально. Они поклялись вычеркнуть её из сердца ещё в день оглашения вердикта. Они даже не сделали попытки утешить её, отстранённо стояли и смотрели. А ей хотелось хоть толику сочувствия. Как же так, она их ребёнок, она была их гордостью, статусом в обществе. А теперь не оправдала надежд и всё, проваливай? Обида на

родителей поднялась в душе Тюверизель с новой силой. Они искренне верили, ей будет легче переносить собственное несовершенство вдаль от их ослепляющей красоты.

– Подойди, – позвал отец. Она покорно склонила голову и сделала шаг вперёд.

Мысленно поморщившись, Тюве поцеловала узкие, униженные перстнями и браслетами руки.

– Ты подумала над прощальным желанием, дочь? – в голосе матери песней улетающей от зимы птицы прозвенела вся грусть эльфийского народа.

– Да, матушка. Дозволь мне взять одну вещь из дома на память о вас.

– А эту вещь пропустят в приют? – отец хотел казаться суровым, только голос у него дрожал.

Проклятый этикет. Они даже сейчас строят из себя ледяные статуи! Делают вид, что им плевать, если она сгниёт в приюте! Лишь бы не лишиться расположения короля!

– Да, – выдавила из себя девочка.

– Ньера, проводи её, – кивнул отец служанке. – Пусть берёт, что пожелает. Я снимаю заклятья со всех замков в доме на час.

Есть! Сам не пошел, Бойтиса расплакаться на глазах у дочери. Демоны побери эту эльфийскую гордость! Тюве шмыгнула носом и направила летучий коврик к отцовскому кабинету. Вот они, алые двери, золотые ручки...

– Негоже не высокородной входить в кабинет принца крови, – высокомерно осадил Тюве любопытную служанку. – Будешь ждать здесь. Я потом отчитаюсь, что взяла в дорогу.

Кабинет-лаборатория, кабинет-мастерская, где отец трудился над созданием духов и красок, где хранил самое ценное. Над столом парящая сфера-сейф из чёрного небесного металла. С него тоже сняты запирающие заклинания! А внутри сферы среди непонятного девушке хлама амулет пути. Одноразовая вещица, настроенная на перемещение в бальную залу королевского дворца соседнего королевства. Такие амулеты присылают вместе с приглашением. И отправляться нужно из четко указанных пространственных координат. В данном случае из отцовского кабинета. А если попытаться активизировать голубой камешек в любом другом месте, настройка собьётся и демоны не ведают, куда занесет незадачливого путника. Вот этим свойством амулета и собиралась воспользоваться эльфа.

Свет садящегося солнца разбивался о круглое витражное окно и разноцветными пятнами лежал на стенах. Малахитовая отделка картинных рам прекрасно гармонировала с золотистой обивкой стен. В тяжелых лазуритовых вазах алели маки... Спрятав под куртку украденное сокровище, девушка вытряхнула в карман содержимое шкатулки с оберегами, схватила первую попавшуюся книгу заклинаний и выскочила из кабинета. Служанка сидела на ковре, скрестив ноги, подкрашивала ногти. Заклятие, отвечающее за сохранность вещей в сумках, было на месте.

Покидать дом, где провела сто тридцать лет, было мучительно. Три сестры и оба брата попрощались с ней ещё вчера, презрительно скривили губы, на словах сожалели, что так вышло, а сами жаждали отделаться, отчистить род от позора. Тюве слышала, как старшая говорила об этом средней, и та соглашалась. Родители тоже, считай, попрощались. Никто не выйдет проводить. Коридоры свертывались за спиной в клубок, чтобы остаться в памяти горькой приправой. Вот и нижняя гостиная. За ней у дверей ждут Слуги Отчаянья.

О, нет! За что? Навстречу ей шел, улыбаясь, Орэвэль. Посол эльфов в мир людей. Элегантный, в костюме чернее драконьего гребня. Брови и ресницы тоже черные, а волосы серебряные с золотистыми нитями и рассыпались по плечам. Теперь он точно достанется Сильме!

– Куда собралась, красавица? Я всё жду, когда можно будет гонцов присылать за тобой.

Шутки шутил. Не знал ещё. От его улыбки кружилась голова и хотелось кричать от отчаянья. Всё, хорош мечтать о несбыточном.

– Пока ты думал да гадал, другие прислали. Видел карету у ворот? Вот как раз за мной.

Она через силу улыбнулась, даже глазки состроила. А что, родители могут притворяться памятниками самим себе, а её напоследок нельзя?

– И кто же на моё сокровище покусился?

Что ему до возражений служанки, проглядевшей все глаза на красавца посла? Он закружил её, Тюве, по гостиной, рассмеялся. Его волосы пахли розами. В синих, нет, сине-лиловых глазах танцевали смешинки. На прощанье и это в радость. Хоть воспоминания останутся.

– Есть такие, позарившиеся. Они меня и страшненькой примут. Решили не ждать, пока повзрелею!

Откуда взялись силы и наглость в голосе? Пусть поволнуется. Потом узнает. Содрогнется, на ком жениться собирался. Он и Сильму бросил во время помолвки, когда Тюве подложила той амулет. От его чар чёрные густые волосы первой красавицы королевства стали пятнистыми, серо-зелёными, на подбородке выросла борода, платье обернулось изъеденной молью тряпкой. И это на глазах у пяти сотен гостей. Разве после такого Орэвэль мог жениться на недостойной? Помолвка расстроилась.

К Сильме на следующий день вернулся нормальный облик. Тюве влетело. Был скандал. Отец даже дрался на дуэли и ранил отца Сильмы. Но Орэвэль-то остался свободен. Теперь он ничей...

– Пошли к твоему отцу. Я уговорю его повременить со свадьбой. Девочка, ты же меня все годы ждала.

– Зря!

Она вырвалась из его рук, подхватила сумки и, запрыгнув на ковёр, вылетела из гостиной. Через две минуты она уже сидела в чёрной карете. За спиной захлопнулись ворота переставшего быть родным дома. А впереди лежали два дня пути в приют по быстрой тропе, доступной лишь заговорённым коням. Через полтора дня Тюве активизировала кристалл и сбежала, не доехав до приюта совсем чуть-чуть.

Жемчужное небо. Ветер пересчитывавший в тучах дождевики, готова просыпать их на землю. Ели и сосны, жмущиеся к краю пустынной дороги. Радужные плащи Стражей Отчаянья... Всё это позади. Тюве лежала на мокрой болотной траве, крепко обнимая одну из сумок, ещё не веря, что задуманное удалось. И не ведала она, что дома отец уже обнаружил пропажу. И улыбнулся про себя, обретая... нет, не надежду, а лишь слабое её зернышко, что его дочь может избежать приюта и...

3

Тюве вывалилась из сонного королевства от того, что телега остановилась. Лежащий у самого края хворый чародейчик захрипел, задрожал. Странно, на него никак не действовали ни целебные отвары и чары Риона, ни усилия эльфы. Тощий паренёк со звездой младшего заклинателя на мятом вороте полосатой рубашки, по словам караванщиков, захворал ещё до границы с Кавирой и почти сразу впал в беспамятство. Оставалась надежда на столичных чародеев, что вылечат, не дадут своему коллеге сгинуть. Ехать на одной телеге с ним Тюве не боялась, чувствовала – не заразно.

Подняв голову, девушка заморгала, пытаясь осмотреться. В реденьком лесочке билось сердце угрозы. Туман склизкими руками щупал лицо и волосы, у земли превращаясь в густое варево, отчего казалось, будто телеги едут по облакам. Было ещё темно, и ненастное небо ворочалось на колких вершинах сосен. Впереди в полголоса ругался возница, хлестал лошадь, но та упорно отказывалась двигаться с места.

– Дядь Фардел, я желаю посмотреть, что произошло, – девушка указала вознице на замершие впереди телеги.

Там встревоженный Рион переговаривался с хозяином каравана и проводником.

– ...чуют худое. Глянь, как оцетинились, треклятые, – сокрушался хозяин.

– Не оборотни и не нечисть какая, – возражал Рион. – Их я бы распознал.

Завидев эльфу, он недовольно нахмурился.

– Ты чего выползла, Тювёха? Пойди к хворому, а то навернётся с телеги, забудем.

Девушка только по-детски захлопала глаза и замотала головой. Благодаря внешности, ей удобно было прикрываться детским поведением в общении со всеми, кроме Орэвэля. И здесь умение пригодилось. Рион тут же отвернулся. Что с неразумной возьмёшь?

За шесть дней пути она очень много узнала о большом мире, притаившемся за пределами дворца. Жаль, плохо усвоила в своё время отцовские уроки чародейства. Как бы проще всё было. Ведь за ней отправлена погоня. Они не встали ещё на след, но рыщут-ищут. Успеть бы в Тардрагею, в Академию чародейства! Те студентов не выдают. А потом она научится накладывать морок на своё страшное лицо и сможет вполне сносно существовать. В то, что она поступит, не было никаких сомнений. Ей все детство твердили о невероятном таланте. Только нужно было вырасти, чтобы его раскрыть...

От грёз её отвлёк удивлённый возглас Риона.

– За кем-то из вас должок!

Туман над дорогой сгустился, засиял мертвенно-желтым светом, как светит ущербная луна перед днём скорби, когда всякий живущий закрывается у себя дома и поминает усопших.

Миг, и туманная сияющая пена затвердела, полыхнула алым и брызнула во все стороны от гулко-глубокого звука. Освещённая гниlostным сиянием к ним летела мёртвая конница. Развивались полуистлевшие штандарты, зелёные угли тлели в пустых глазницах коней и всадников Дикой Охоты. Плесень и мох покрывали ржавые доспехи. На белом, вполне живом коне, возглавляющем шествие, восседала прекрасная дева в венке из листьев папоротника и цветов белой болотки, в ожерелье из крапивы. Сквозь прозрачную ткань туники просвечивала татуировка, покрывающая высокие груди и спускающаяся до ягодниц. Судья.

Все, кто был в караване, бухнулись на колени и зажали уши. Тюве последовала их примеру, ибо предводительница воинства внушала ужас. Только юный хворый чародей свалился с телеги и провинившейся собакой пополз на брюхе к всаднице.

Та что-то произнесла, и с венка выпал цветок, скользнул по прозрачным одеждам, упал на склоненную голову юноши. Парень не встал, вскочил, расплывшись в безумной улыбке,

схватился за стремя белого коня. Дева взмахнула рукой, и мёртвая конница двинулась дальше, постепенно ускоряя ход. Чародейчик так и бежал, не сводя глаз своей владычицы.

Тюве уже хотела отнять руки от ушей, как всадница обернулась и сквозь реюющие штандарты на копьях, сквозь смыкающиеся крылья тумана, взглянула на эльфа. Да так, что девушка ахнула и стала оседать на влажные камни тракта.

... – Тювёха! Эй, очнись, окаянная! Ты что, тоже месть вершила, раз за мёртвой конницей последовать вздумала? – тормозил её Рион.

– В чём провинился этот молодой человек? – по привычке пафосным голосом осведомилось юное создание.

– Знаешь, какое дело, кроха, – Рион подхватил её на руки и отнёс на опустевшую телегу, сам сел рядом. Караван тронулся, как ни в чём не бывало. – Бывают случаи, когда человек жаждет отомстить, а обстоятельства складываются не в его пользу. И тогда он просит помощи у Запредельного. Но Запредельное никогда ничего просто так не даёт. И чаще всего требует плату – человеческую душу. Видать парень сильно задолжал, раз за ним лично Судья пожаловала. Бежать ему, держась за стремя, пока мясо с костей не слезет, и только тогда Судья выделит ему коня.

– Страшно, – охнула Тюве.

Рион вздохнул. Седые пряди упали на загорелое лицо. Он не раз видел, как платили за свою месть враги и даже боевые товарищи. И не понимал, как можно связаться с потусторонним. А вот девочку, похоже, идея заинтересовала.

– А всегда требуется платить собственной жизнью? – невинно поинтересовалось прыщаво-морщинистое эльфийское отродье.

– Кто ж тебя так достал, малявка, раз ты живых существ по собственной прихоти на страшную смерть отправить желаешь? – непроизвольно отстранился от неё бывший хранитель. – Куклу няньки не купили?

– Что ты вообще про меня понимаешь, раз так судишь!

Тюве отвернулась. Стоит вычислить направление, куда забросил её зачарованный камень пути, и всё. Здравствуй, приют уродов!

– Зачем тебе в столицу, малая? – в сотый раз спросил бывший сотник.

– В Академию.

Она отвернулась.

– Прославиться желаешь? – Рион скривил губы. – Вряд ли. Скорее отомстить, небось, такому же прыщавенькому эльфёнку. Смотри, я какая великая чародейница, а ты надо мной смеялся? – продолжал допытываться Рион. – Как хоть твоего героя зовут?

– Ор... Не твоё дело! – с губ чуть не слетело заветное имя. Вспомнились его прощальные объятия. Если бы он знал, как она любит его! Как она хотела похорошеть ради него! Смеётся, небось, над судьбой несостоявшейся невесты.

Рион улыбался собственной догадливости, жалел девочку, но убеждать в чём-то не спешил. Сама до всего дойдёт, уж он-то мелкую одну не оставит, пока жив, проследит за её судьбой.

Туман таял. Листья слетали под колёса телег. Заморосил гаденький дождик. А принцесса Тюверизель беззвучно плакала, уткнувшись уродливой мордочкой в куртку загубленного чародейчика. Ей было жалко себя, жалко парнишку. Она искренне хотела его спасти. И одновременно доказать себе и мру – она не никчемная, ни ненужная. Она эльф, пусть даже уродливый!

Путь в столицу затянулся. На всём его протяжении Рион подолгу сидел на телеге девочки, рассказывал ей о Тардрагеи, об устройстве человеческого общества, о службе на границе, о предсказании, о своём последнем путешествии, исподволь пытался выведать о жизни эльфы до побега. Но та молчала, всё чаще скидывала голову, будто прислушиваясь к тому, что человеческое ухо уловить не в силах. А ночами тихо вслипывала. Старик не лез с утешениями,

делал вид, что не видит, не слышит чужого горя. Не каждый готов им делиться, не каждый ищет плечо выплакаться.

И вот столица. Ночь всходила на небо в чёрно-звёздных одеждах. Звонкая, холодная, она обещала первые заморозки, первые корочки льда на лужах. Тоскливые поля и деревеньки, а затем и мирные городки остались позади. Только резкие силуэты башен Тардрагеи высветились на чернильном небе, изображенные ещё более чёрной, густой краской.

Вымотанных десятком дней дороги путников встретила придорожная гостиница. Утром откроются городские ворота. А пока за нещадные цены караванщикам предлагали тёплый очаг, обжигающий глинтвейн, жареных уток, гусей, баранину и ещё немало радостей.

Тюве, которой на протяжении дороги все, кроме Риона, сторонились, закрыла лицо платком. Добраться бы до комнаты, не наткнувшись ни на соплеменников, ни на орков... Но надеждам девушки не было суждено сбыться. Прячась за спиной старика, она слушала, как восторженно хвасталась мужу хозяйка гостиницы про остановившегося на постой эльфа:

– Он такой хорошенький! Даже спеть обещал...

– Вечно ты на этих смазливых заглядываешься, – ворчал хозяин. – Постыдилась бы. За сорок бабе, а она об эльфах мечтает при живом-то муже.

– Рион, – Тюве дёрнула старика за рукав. – А рядом есть ещё гостиницы?

– Тихо, малявка. Кому ты сдалась такая... красивая.

Тюверизель закусил губу. Она уже привыкла к издевательствам над собой и даже поддерживала шутки караванщиков не хуже любой орки.

– Давай поцелую, черноглазый? Я почти взрослая. Мне уже можно. Тебя как, в щёчку, али сразу в губы?

Мужиков от такого передёргивало, а эльфа хохотала, не смотря на разливающуюся в душе горечь.

*Не зови меня ты,
Не корми словами.
Черепок отбитый
У меня в кармане.*

*Черепок отбитый
Нацарапать чтобы
Не песке: Мы квиты.
Не держу я злобы.*

Купить бы красоту у мёртвой армии. Вот только чем расплачиваться?

Тоскливый голос певицы в общем зале доносил всю печаль несбыточного. Ей вторила скрипка и гомон чужого веселья.

*Ты со мною не был.
Не с тобой гуляла.
Не делили хлеба.
Нежности не знали.*

*Будут две дороги,
Путь нам светит разный.
Ты печаль не трогай,
А свободу празднуй.*

Забившись в самый дальний угол, сев спиной к залу, Тюве принялась жевать непривычную для неё людскую пищу. Рион что-то говорил, давал наставления, как вести себя в столице, поэтому появление соплеменника она не почувствовала. Только когда старик запнулся и поднял вверх глаза, эльфа всё поняла.

Естественно, он не был ей знаком, этот хмурый смуглый красавец, высокомерный даже по эльфийским меркам.

– Что ребёнок делает так далеко от дома? – обвинительным тоном вопрошал он. По заплетённым в сотни косичек волосам змеились алые искорки. Строгий костюм был идеально бел.

– Я не обязан отвечать тебе! – Рион тщетно пытался показать, что нисколько не волнуется.

– Она эльфа, смертный. Несовершеннолетняя. Тебе известно, какое наказание...

Он не договорил. Тюве вытащила из кармана куртки блестящую пластину и показала, не давая элфу в руки. Тот пробежался глазами по отчеканенному тексту, окинул девушку изучающим взглядом и брезгливо фыркнул:

– Тебя не возьмут к себе даже орки, недозрелка!

Повернувшись на каблуках, он отправился купаться в восторженном внимании людских женщин.

Глянув на покрасневшую от стыда элфу, Рион ловко выхватил из её рук жетон. На чело-веческом, эльфийском и гномьем языках было написано:

Тюверизель Сирви Латраднифьель Ао`Кие Дармирс Фервалесрия
130 лет 16 дней 22 часа.

Миг, и цифра 22 сменилась на 23, как будто и была отчеканена изначально.

Тюве отняла свой документ у человека и посмотрела ему в глаза:

– Теперь ты тоже меня возненавидишь? Я на всю жизнь такая... красивая.

Она отчаянно боялась, что этот старый мудрый человек, единственный, кто был к ней добр, сейчас отвернётся, сплюнет под ноги от омерзения и пошлёт её куда подальше.

Рион посмотрел с сочувствием, вздохнул:

– Девочка, за что мне тебя ненавидеть или презирать? – бывший хранитель границы пожал плечами. – Я сам отверженный, считай, приговорённый. Я разучился накладывать чары. Я обуза для города, ты обуза для рода. Нам обоим предстоит найти новое место в жизни. Я не обижу тебя, клянусь.

Тюве кивнула, соглашаясь – старик её защищал, по-своему берёг. В ответ она испытывала благодарность и грусть. Так должны были беречь не иноплеменник, а родные отец и мать.

Город распахнулся перед ней цветной старинной книгой, где каждая картина раскрашена вручную. Люди удивляли её всё больше. Если в эльфийской столице нельзя было встретить представителей других рас, то в Тардрагее Тюве только и успевала выпрашивать у Риона:

– А это кто, с бородой до земли? А тот, винторогий? А зелёный с обвислыми ушами?

Были те, кто казался девочке уродливей её самой но никто не показывал на них пальцем, не смеялся. Люди умудрялись вести дела со всеми, ничуть не умаляя при этом своего достоинства. И Тюверизель воспаряла духом.

Прямые, как и в эльфийской столице, улочки. Здания из серо-коричневого кирпича, местами поштукатуренные, местами обложенные разноцветной блестящей плиткой. Пёстрые запоминающиеся наряды знати и успешных торговцев и простенькие, однотонные – рабочего люда...

Стены заветной Академии оказались белыми, высокими и совершенно гладкими. За ними высились четыре бледно-зелёных башни с золочёными крышами, над которыми и днём, и ночью висела завязанная в узел радуга. У ворот белела пристройка, из треугольного окошечка которой выглядывал моложавый привратник. Рион подошел к окошечку, коротко изложил просьбу, и путников пропустили во внутренний дворик перед второй, такой же белой и неприступной стеной.

Между стенами на клумбах росли карликовые деревья, текли крошечные реки, низвергались водопады, и, что самое интересное, стояли домики и сустились букашки – людишки...

Один из них вдруг принялся расти, немало испугав девушку. На вид молоденький охотник. Вышитая жилетка, шапочка с пером, просторные шаровары, сапоги с пряжками... Мастер Искусства Охраны.

– Годы тебя не шадят, – чародей повернулся к Риону.

– Я не гнался за долгой жизнью, учитель. Я берёг покой границ, как потребовали от меня долг и король, – не подумал таиться старик.

– Что же, – юный на вид чародей замешкался, изучая бывшего ученика, – я помочь тебе бессилен.

– Я знаю, – кивнул в ответ Рион, он смирился с предсказанной судьбой. Теперь бы отыскать сыновей. Но вначале... – Тут со мной девочка. Беда у неё. Помогите, если сможете.

Рион отступил на шаг, выталкивая вперёд оробевшую Тюве.

Мастер будто только сейчас заметил эльфа. Он прищурил голубые глаза, склонил чуть на бок голову, оглядывая необычное для этих мест создание.

– Ребёнок, – задумчиво пробормотал он. – Ребёнок, который уже вырос из детских вещей.

Мастер взмахнул рукой, с пальцев сорвались два матовых белых шарика, покружились над головой Тюве и вернулись обратно.

– Не к нам, – голос чародея наполнился искренней печалью. – Твой дар, дитя эльфов, ближе к ведьмовскому, не нашему, хоть и не носишь ты их метку. Внутренние двери Академии закрыты для тебя.

– Но как?

Тюве была в отчаянии. Не желает иметь дело с недозрелкой, или она действительно ведьма? Тогда понятно, почему многие заклинания работали у неё не так, как у сестёр, почему отец быстро махнул рукой на её обучение.

– Куда мне идти?

– Ближайший монастырь богини Фра. Час верховой езды на северо-запад от стен города.

Тюве повернулась к окованным серебряными узорами воротам, как Мастер вдруг предложил.

– Хочешь не прятать лицо? На десять дней я дам тебе личину. За это время ты успеешь договориться с ведьмами, а потом она тебе не понадобится. Кажется, так бы ты выглядела, не случись с тобой того, что случилось.

Мириады иголок кольнули тело Тюве и отпустили. На Мастера с Рионом взглянула красивейшая девушка Земли.

– Удачи с ведьмами, – чародей по-мальчишески подмигнул на прощание.

Зеркало. Сладость и яд для женщины. В лавке у первого встречного торговца Тюве затребовала примерочную комнату. И долго разглядывала временный облик. Юная-юная, хрупкая, невысокая. Короткие светлые волосы смешно торчали в разные стороны. «Я сейчас красивее Сильмы, – с грустью подумалось Тюве. – У Орэвэля не было бы шансов».

– Примерь это, красавица. Платице как раз по твоей фигуре. Ах, хороша! А ботиночки на точёных ножках как смотрятся! А курточка на меху... У тебя волос короткий. Так сейчас у эльфов модно? Не видал ещё. Тогда длинные серьги тебе пойдут. Уж поверь старому Мивасу, загляденьё...

Долой ненавистные тряпки! Рион, у тебя есть чем заплатить? Купи мне всё это!

Толстый торговец завистливо смотрел на старого спутника юной красавицы. Но он был хорошим торговцем, поэтому удержался от расспросов и комментариев.

– Рион, давай погуляем по городу! К ведьмам успею. Просто погуляем. Я больше ничего не буду покупать...

Как это пьянит, когда на тебя оборачиваются все окрестные мужчины, завистливо смотрят женщины. Даже если знаешь – это игра, это понарошку. Странное, незнакомое чувство азарта.

Рион не отказывался её сопровождать, не бросил в незнакомом городе, но всё равно хмурился, хоть и молчал. И на том спасибо.

К исходу дня, без вина хмельная и, наконец, счастливая Тюве... нет, принцесса Тюверизель пожелала остановиться в гостинице. Рион долго выспрашивал местных, где можно отыскать приличный угол задёшево, и в итоге кивнул – пойдём. Вот тогда-то и произошла встреча, сыгравшая решающую роль в жизни эльфы. Старика и девушку угораздило повстречать королевский экипаж.

Раскачивались синие плюмажи над головами величавых черных лошадей. Холодно блестя расписные ножны шпаг и звёзды отличия на шеях гвардейцев. Яростно орудовал палочками юный барабанщик, замыкавший шествие. А роза на дверце кареты была не алой, а бледно – лиловой. Наследник. Сам почти король. Старик – Шипуп Гнедой скоро в прах рассыплется. Придворные дни отсчитывают, ставки делают, сколько дней молодой беспутный Варросео трон удержит. Перед молодым юлят, заискивают, а сами зубоскалят за спиной и слухи неблагоприятные распускают, позорящие будущего короля.

Но Рион, проживший большую часть жизни вдали от столицы, и тем более Тюве, ничего об этом не знали. Завидев процессию, стрик бухнулся на колени и склонил голову в поклоне, как было заведено при Шипупе. Тюве только отступила к лавке булочника в тень навеса. Но было поздно. Кorteж остановился в конце квартала, и один из гвардейцев, повинувшись жесту изящной ручки из окна, поспешили к эльфе.

– Сударыня, славный Варросео желает побеседовать с вами.

Говорят, ведьме, даже самой слабой, ничего не стоит покорить мужчину. Тем более столь прекрасной. Раскосые серо-серебристые глаза Тюве, экстравагантная стрижка, и что-то неуловимое, что излучает поверившая в себя женщина, покорили избалованного наследника.

Вам случалось влюбляться с первого взгляда, когда хочется слушать и слушать любую чушь из обожаемых уст? Когда удавка стягивает грудь и шею, если предмет обожания не ценит вашего внимания? Вам случалось независимо от времени года любоваться, как расцветают сады только для вас, и на мрачный заплаканный небосвод выкатывается улыбочное солнце? Случалось, чувствую. Вот и Варросео попался в капкан. С ним уже такое было. Но всякий раз у королевского казначея хватало таланта договориться с очередной пассией наследника. Шипуп Гнедой пророчил сыну Ирскую принцессу. Но умирающий отец уже который день метался в бреду...

– Твоё имя, детка?

В полумраке кареты Тюве разглядела завитую шевелюру, капризный широкий рот, волны кружев на камзоле золотого шитья.

– Твоё имя? Не стесняйся.

Резкий запах духов и благовоний преданной собакой ластился к дивно похорошевшей Тюверизель.

– Тара, – не пожелав раскрываться, отозвалась девушка.

– Непобедимая? – похваставшись знанием эльфийского, наследник подался вперёд.

«Он не противен даже по нашим меркам», – вдруг подумалось эльфе.

– А мне сдашься, – улыбнулся Варросео. – Поехали повеселимся.

– Меня ждут ведьмы в монастыре, – эльфа отступился на шаг от кареты. В голосе снова появилась надменность.

– Ты тоже ведьма? – в карете задумались. – Сильная?

– Одна из сильнейших, – девушке очень хотелось похвастаться. Это же только маска, которая скоро исчезнет.

– Хорошо, Тара. Иди к ним, – решил наследник. – Но потом возвращайся. Как только я стану королём, мне понадобятся помощники и охранники. Ни в чём не будешь знать отказа. Пойдёшь королевской ведьмой.

Это было не предложение. Варросео пока умел только приказывать. Но Тюве запомнила.
– Я подумаю.

Она слегка поклонилась и отступила от кареты ещё дальше. Золоченая дверца захлопнулась, и наследник продолжил путешествие.

Проводив взглядом процессию, Рион подошел к Тюве и положил руку ей на плечо.

– Не забывай, девочка, у тебя осталось девять дней.

– Пошли в монастырь. Сейчас.

4

Что известно о ведьмах? Опасные создания, они всегда знают, когда и где родится очередная их сестра, приходят к дому и ждут. Ставят рядом шатёр, зажигают вокруг него огни, творят молитвы богам. В назначенное время на свет появляется девочка (очень редко – мальчик) с меткой в виде летучей мыши на левой ключице. И вот тогда к перепуганным родителям в двери стучатся коллеги их ребёнка. Они забирают малышку с собой навсегда в монастыри древних богов, воспитывают, обучают.

Ведьму запрещается обижать, ибо она несёт добро. По королевскому указу она обязана служить королю и народу. Получив распределение, она отправляется по месту назначения и десять – двадцать лет трудится: защищает урожаи, лечит болезни, отводит наводнения, борется с нечистью и разбойными набегами.

Ведьм побаиваются и уважают. Слово ведьмы куда весомей чародейского, ибо ведьма заведомо сильнее и искусней, ведь на её стороне боги. Ей куда проще общаться с Запредельным.

Это, пожалуй, всё, что известно праздному люду, привыкшему просить помощи у могущественных женщин. Рион это тоже знал. И знание несло боль.

Его долгожданная дочь сама где-то ведьмачит, ничего не ведая об отце. Ей должно быть за двадцать. А видел он свою кроху от силы минут пять. Налетели, отобрали, оставили кошель с деньгами, которые он пропил в тот же вечер. С того самого дня жизнь его и не заладилась. Жена расхворалась. Сам он запил, потом попал в когти оборотням, спасибо товарищам – отбили, едва выкарабкался, год болел... Поэтому и идти в монастырь стрикуну не хотелось. Но Тюве упёрлась. Отведи, да отведи. Пожалел страхолюдку. Сдался.

К ведьмам они отправились утром с открытием ворот. К полудню добрались до монастыря, поплутав по лесочку, расчерченному сетью узких тропинок. Риону почудилось: едва замаячила за оголившимися стволами стена – стихли отважившиеся зимовать в этих краях птицы, почтительно зашептались на грани слышимости, точно боясь помешать, потревожить уединённый покой мудрых хозяек этих мест.

Вот и сам монастырь. Замшелые высокие оборонительные стены угрюмо нависли над озером и казались давным-давно заброшенными. Само время настаивалось здесь заговорённым эликсиром, заставляя замедлить движения, отбросить суетные мысли и созерцать плывущие по озёрной глади листья. Не верится, чтобы здесь живут ведьмы... Рион вздохнул и ещё раз осмотрелся.

Каких-то построек за серо-зелёной громадой разглядеть не удавалось. Прогнившая дверь висела на одной ржавой петле и была закрыта изнутри. На раскрошившихся ступенях сидела серая кошка и равнодушно взидала на скользящих по озеру уток.

– Мрачно тут, – Тюве растерянно провела пальцами по стене. По сравнению с величественной Академией Чародейства монастырь внушал сомнения в правильности выбранного пути.

Внезапно поднявшийся ветер зашуршал ветвями плакучих ив, обступивших серые воды. Сгрудившиеся в небе тучи грозили дождём. Рион поёжился. Захотелось убежать отсюда подальше как можно скорее, ибо в душе зашевелились воспоминания о прошлых ошибках и предательствах, как будто близость к обители богини Фра будоражила. Малявка тоже струнула, но держалась молодцом. Протянула дрожащую ручонку к проржавевшему кольцу и робко постучала. На белой ладошке остались рыжие следы.

– Вы не наши, – неожиданно прозвучало из-за спины. – Что желаете узнать у слуг богини?

– Я хочу учиться, – Тюве обернулась и встретилась глазами с кошкой.

– Не поздновато ли? – голос был низким, насмешливым.

– У меня нет иного выхода, – отозвалась Тюве. – Я хочу учиться у вас. Вернее, в монастыре.

Кошачья пасть распахнулась в беззвучном смехе.

– Пусть он уходит. Тогда тебе откроются ворота, – ответило серое создание и в один прыжок перемахнуло через груклявую калитку.

Всё правильно, ведьмам ведьмово. Старику тут нечего искать.

– Удачи, девочка, – Рион зачем-то потрепал эльфа по короткому ёжику волос и зашагал прочь, гоня из головы тревожные воспоминания.

Озябшей Тюве пришлось подождать минут двадцать, прежде чем щёлкнул засов, и серая прогнившая калитка с ужасным скрипом распахнулась.

Тёмно серое здание монастыря венчало вершину холма. Именно холма, ибо внутри всё оказалось иначе, чем представлялось снаружи. На защитной стене обнаружили бойницы и башни, каждую из которых венчали шары с томящимися в плену демонами. Между башен скользили тени часовых, мало напоминающие людей. Эльфа побоялась их отвлекать и направилась к заветной постройке, гигантской птицей распахнувшей каменные крылья навстречу стылому предзимнему ветру. Монастырь не уступал размерами и высотой королевскому дворцу. Семь этажей. Балконы, арки, лепнина на фасаде... Или это тоже иллюзия?

Идти до здания пришлось долго. Каменные плиты под ногами давно растрескались, поросли травой. Сухие стебельки тянулись к небу, ещё не веря, что им не суждено больше увидеть лета. Под сапожками потрескивали мелкие камешки.

Эльфа выбилась из сил, запыхалась, мысленно прокляла негостеприимных хозяев, но дошла. Никого. Двери распахнуты. Внутри монастыря запустение. Сквозняки гоняли по полу бумаги и пучки сухой травы. Гулкое эхо дразнилось и издевательски хихикало под высокими сводами. Лестницы перегорожены разошедшей мебелью, двери в комнаты заперты...

– Эй! Хозяева! Ведьмы-ы-ы!

– Мы... мы... мы...

По залу, громко хлопая крыльями, пролетела крупная чёрная птица. Тюве бросилась за ней, громяхая своей коляской.

Поворот. Ещё один. И ещё. Только что был коридор. И вот уже внутренний дворик. Идеально круглый. Обросшие арками и балконами синевато-серые стены вздымались вверх к низким грозным облакам и терялись в их сизой мгле. Куда там семь этажей. Гораздо больше.

Внезапный порыв ветра едва не свалили девушку с ног. Тюве шагнула вперёд. И ветер стих. Зато посреди дворика вспыхнул костёр. Шестнадцать фигур, шестнадцать ведьм прекрасных и грозных, как эльфийские владыки, повернулись в сторону девушки.

С неба камнем упала чёрная птица, ударилась оземь и обернулась ведьмаком, умопомрачительно красивым, горбоносым, с длинными белыми развевающимися волосами. С сияющим камнем на шее. Тюве сразу поняла – ведьмак здесь главный.

– Ты пришла в разгар нашего праздника. Значит, так хотела богиня Фра, – начал он свою речь. Высокий, почти мальчишеский голос абсолютно не сочетался с его мужественной внешностью. – Фра предупредила нас утром о твоём приходе. Мы давно не берём учеников. Да и ты на роль ученицы не тянешь.

– Но мне нужно... – перебила его Тюве.

Горбоносый не обратил внимание на дерзость. Только дрогнули уголки тонких губ.

– Повинуясь воле богини, мы обучим тебя. Тогда как другие наши воспитанники потратили на познание истин долгие годы, у тебя есть три дня. Если выдержишь и не сойдёшь с ума, получишь доступ к испытанию. Но и оно окажется для тебя куда более тяжелым и сложным, чем для прочих. Это плата за скорость.

Желтый камень на груди ведьмака зловеще сверкнул. Чёрно-белые одежды затрепетали под очередным порывом ветра.

– Ты согласна?

– Да.

У Тюве не было выбора. Она вдруг ясно почувствовала, что пущенные за ней ищейки встали на след.

– Да, – вдруг заговорила голосом серой кошки высокая женщина с грустными зелёными глазами. – Ты эльфа. Поэтому отрабатывать своё обучение тебе придётся в десять раз дольше, чем простым смертным. Как минимум сто лет на благо этой страны. Сегодня утром пришел заказ на королевскую ведьму. Это ещё одна причина, по которой мы берём тебя, Тара.

– Я Тюве. Тюверизель, – попыталась возразить девушка.

– Тара, – отрезала женщина. – Прежнее имя – пыль. Ты теперь дитя богини Фра. И сама того не подозревая, ты нарекла себя верно.

– Сёстры, – кивнул ведьмак своим соратницам. – Подготовьте её к быстрому обучению.

Белые молнии сорвались с унизанных перстнями пальцев и закружились над головой эльфы, заставляя короткие волосы встать дыбом на затылке. Тюве сжала руками виски, ибо в голову одна за другой потекли мысли собравшихся женщин. Не так быстро, пожалуйста-а-а, помедленнее! Не-е-ет! Но разве это возможно? Мир распался на кусочки головоломки, зазвенел, запел. И пропал.

Пропал, чтобы вспыхнуть новыми цветами через три дня. Тюве. Нет, уже Тара очнулась у трухлявой калитки монастыря. Рядом с ней стоял ведьмак. Лицо его осунулось, украсилось тонким рисунком морщинок, но осталось прекрасным.

– Скоро тебя ждёт испытание, – сказал он зачарованно глядящей на него эльфе. – Каким оно будет, решит богиня. После него ты изменишься, войдёшь в полную силу, получишь ключи к хранящимся в твоей голове знаниям.

Он улыбнулся на прощание, чёрной птицей вспорхнул в пасмурное небо. А Тара побрела в сторону города.

«Я почти ничего не помню. Чему меня учили? – роились в её голове испуганные мысли. – Есть слова заклинаний. Но к чему их применить? Есть сила в груди, но куда её направить? Как понять, что испытание пройдено?»

Новое имя. Новая судьба. А ищейки приближаются к Тардрагее. День-другой, они настигнут беглянку. Как их победить?

«Я больше не Тюве! Я Тара. Я не жалкая уродина. Я ведьма!» – как заклинание повторяла она по дороге. Хотя разум твердил наперекор: что такое имя? Шелест ветра в травах или звон колокольчиков над воротами дворца. Песня опоздавшей на юг птицы или трепет надежды в груди. Ничего не изменилось. Ты осталась собой. И ищейкам плевать, как ты себя обозвала.

«Надо найти Риона. Он что-нибудь придумает».

Как не странно, у городских ворот её встречали. Карета с бледно-лиловым гербом принца, запряженная четвёркой светло-серых коней. Выкрашенные желтым гривы были аккуратно подстрижены. На упряжи позвякивали бубенчики. Специальные лошади, для ценных гостей.

– Прошу вас, сударыня, – поклонился ей лысый слуга. – Ваш наряд в карете. Переоденьтесь, пожалуйста. Вы едете к королю.

Мягкое сидение внутри, кружевные шторы. Дорогое, громоздкое платье из алой парчи. Аромат южных цветов, слишком резкий для эльфы, но так обожаемый людской знатью. Аромат интриг и предательства, аромат опасности. Почему-то он понравился Таре.

«Зачем мне это? Спрошу Риона, он был чародеем. Он подскажет про испытания», – испугалась Тюве. Пусть она выросла при дворе, но была не готова к людским интригам.

«Ищейки приближаются. Мосты назад давно обрушены. Надо выживать самой. Надо думать и действовать по-новому, – возражала ей Тара. – К тому же ты принцесса крови. Твоё место во дворце».

При дворе, так при дворе. Так даже надежней. Эльфам не удастся безнаказанно выкрасть придворную ведьму. Дипломатический скандал эльфийскому величеству не выгоден.

Дворец. Сине-белая мозаика стен. Белый мрамор статуй. Над воротами герб королевской семьи – алая роза в клыкастой пасти ночного ящера. С обеих сторон от него гербы «верных» короне благородных семей. И тяжелое, затаённое ожидание, повисшее в воздухе. Ожидание смерти Шипупа Гнедого и предстоящего дележа власти.

Было до жути неприятно стоять в платье с открытой спиной на предзимнем ветру, но эльфа терпела. Сотни пар любопытных глаз впились в Тару, как иглы дикобраза. Волны негодования и ненависти в её адрес накрыли девушку с головой. «Никчемный слизняк Варросео заручился помощью ведьмы. Да ещё эльфы!»

Слуги как можно ниже кланяясь, стоя возле выцветшей алой ковровой дорожки, раскатанной к воротам дворца. Встречать дорогую гостью на показ всем любопытным вышел сам наследник. Он был молод (эльфята в таком возрасте берутся в песочнице) и вполне симпатичен. Эльфа получила возможность разглядеть королевича. Тот уже скользил по своему приобретению влюблённым взглядом, хотя до конца ещё не осознал, насколько сильно он влип.

«Подчиняться человеку? Называть его своим господином?» – бунтовала благородная натура эльфийской принцессы. «Получать от этого выгоду», – прагматично возражала Тара.

– Делай вид, что тебе очень приятно меня видеть, – припадая с поцелуем к ручке, прошептал сквозь широкую улыбку Варросео.

– Ты просто представить не можешь, насколько, – обаятельно улыбнулась в ответ Тара. Наследник бросил на неё удивлённый и обнадёженный взгляд. Купился? Не ожидал подобного от надменной эльфийской ведьмы? Тем хуже для него. Смогла же она, уродка, отбить у красавицы Сильмы Орэвэля. А этим крутить-вертеть ей никто не помешает.

Походкой хозяйки она вошла под своды дворца королей Кавиры. Под слоем морока нестерпимо чесались прыщи на щеке, но позволить себе даже прикоснуться к зудящему месту она не могла позволить. Этикет, демоны его поберут.

Только заведя Тару в свои покои, Варросео успокоился. Выпустил её руку и обессилено плюхнулся в глубокое кресло.

– А теперь слушай меня, ведьма. Берадар обещал мне твою помощь. Не подведи меня.

– Берадар? – это имя Тара слышала впервые.

– Так в миру зовёт себя ведьмак-ворон, хранитель заветов Фра, – рассеянно пояснил наследник и тут же продолжил. – Придворные ещё не знают... В общем, – он улыбнулся, – твоя задача радовать мой взор своей красотой и, между прочим, охранять днём и ночью, пока окружающие чудища не смиряются.

Он прикрыл глаза, откинулся на спинку кресла. И Тара только сейчас рассмотрела, насколько напояженный красавчик был растерян, испуган, раздавлен свалившимся несчастьем. Даже не смертью отца, а окончанием вольной жизни. Бремя управления целой страной казалось ему неподъёмным. С гербов благородных семей свирепо скалили белые клыки волки, хитро шурились вороватые лисы, примеривали острые когти к шее наследника лесные кошки.

– Что ты хочешь, чтобы я с ними сделала? – осведомилась Тара.

– Указала на их место. У подножия трона.

Варросео внезапно резко встал и, поймав Тару за руку, потянул за собой.

– Пойдём в опочивальню к отцу, обнаружим его остывший труп и объявим народу дату моей коронации.

Тара не возражала. Следовало играть роль, а не сетовать на циничность политиков, на не улежавшиеся в голове знания, на отсутствие ключа к большинству из них. Дотянуть бы до посвящения, а там посмотрим.

Этой же ночью, когда ветер качался на качелях веток, уверенная в себе Тара куда-то исчезла, оставив окутанное мороком красоты тело в распоряжение Тюве. В пасти камина рож-

дались и умирали огненные цветы. За дверью спало будущее величество Кавиры, так и не уговорившее эльфу охранять себя неотлучно.

Тюве зябко ёжилась, мучимая бессонницей. Закрытая на замки память ведьмы отказывалась подсказать заклинание прекрасной внешности, и это пугало сильнее приближения ищеек. Она сегодня точно узнала, сколько их. Шестеро. Не эльфы. Големы – вылепленные из глины, движимые силой заклятий создания, не ведающие страха и усталости. Беспощадные. Идут пешком, ибо кони их боятся. Эльфа увидела их внутренним взором, когда объявляли дату коронации. Значит, надо торопиться. Что делать? С кем посоветоваться? Она знала одного Риона. Старик казался ей всезнающим и надёжным. Но как его отыскать в незнакомом городе? Как преступить через собственную гордость и довериться с просьбой?

Весь следующий день она провела в страхе. Спасибо сто тридцати годам тренировок, никто не заметил ни тени смятения на красивом лице. Будущий король представлял её чередой придворных, готовился к похоронам батюшки, покрикивал на портных, шивших наряд к коронации.

Тара бессловесной тенью следовала за Варросео, каждый миг ощущая, как сокращается расстояние между ней и бесчувственными големами. Бежать от них бессмысленно. И эльфа решила – будь что будет.

Придворные настороженно присматривали за ней, перешептываясь, забывая о чуткости эльфийского слуха. Но ведьма услышала, обернулась на «остроухую тварюжку, окрутившую никчемного бабника». И, прищёлкнув пальцами, вызвала мини-молнию, спалила болтуну шикарные подкрученные усы. Принц аж в ладоши захлопал, а придворные притихли, попятясь.

– В следующий раз, оскорбившего честь и достоинство моего короля, спалю целиком, – очень тихо пообещала Тара.

Придворные в ответ притворились безмолвными рыбами.

Только вечером на траурном ужине эльфа вдруг рассмотрела знакомый горбоносый профиль. Ведьмак-ворон! Позабыв и о своих обязанностях, и об этикете, она ринулась к нему.

– Господин Берадар, – вспомнила она его имя. – Я погибну без вашей помощи!

Ведьмак обернулся. В мудрых глазах отразилось безразличие.

– Ты сама теперь помощь, – холодно ответил он, попытавшись увильнуть от нежелательной беседы.

– Я не о том. Вы знаете мою беду. Подскажите постоянное заклинание красоты. Подскажите, как избежать ищеек, – принялась канючить Тюве.

Ведьмак брезгливо поморщился.

– Ты сама всё знаешь. Но так и быть, в последний раз я тебе подскажу, – смиростивился он. – Если сама не справишься, струсил, позови Запредельное. Формула вызова тебе известна. Девушка ты изворотливая. Думаю, договоришься с Судьей. Это и станет твоим посвящением.

И он смешался с жующей и переговаривающейся толпой гостей.

Ничего не изменилось. Что-то слезливо – заунывное играли музыканты, перемывали косточки друг другу придворные. Но Тара успокоилась. Судья. Значит, можно ей заплатить не своей жизнью. Главное, раз и навсегда похорошеть, не бегать за Мастером – чародеем из Академии каждые десять дней... Ни от кого не зависеть.

Она едва дождалась ночи. Постояв возле комнаты Варросео, убедившись, что будущий король сладко спит под защитой её чар, эльфа побежала по коридорам. Несмотря на суматошный день, их причудливый рисунок отложился в её памяти. Поскорее куда-нибудь в закоулок, где появление мёртвой конницы не вызовет ненужный вопрос.

Зачаровать гвардейцев на малых воротах не составило труда. Путь Тары лежал в бедняцкие кварталы. Вроде, не очень далеко, но кто будет искать просителя в таких трущобах?

Эльфа начертила защитный контур, прочла заклинание вызова. Холодная ночь не закружилась туманом, не засверкала молниями. На один единственный мимолётный миг эльфа ощутила чей-то пристальный взгляд из Запредельного. И всё. Сколько бы она не повторяла формулу вызова, что бы ни сулила Судье и её армии, никто не появился.

Разбитая, расстроенная, она явилась во дворец за три часа до позднего рассвета и уснула под дверью своего господина, по-кошачьи свернувшись в кресле.

На вторую ночь Запредельное не отозвалось вовсе. И весь день коронации сонная эльфа таскалась за господином, слушала комплименты в свой адрес, украдкой почёсывала зудящую под мороком кожу, с тоской ожидая окончания затянувшейся церемонии...

Ночь. Яркие звёзды заволокла шаль облаков, вначале тонкая, а потом и густая, пушистая, снежная. Снежинки падали на булыжные мостовые. Город стал серьёзным и строгим, словно полк перед приездом генерала. В редких окнах теплились лампы – в каких зачарованные, а в каких и простые, масляные. По преданию, ночь после коронации следовало проводить дома, с семьёй, иначе сгинешь в цепких лапах демонов. Демонов Тара не боялась. Наоборот, ждала с ними встречи.

Для своих чар она облюбовала тупичок между складом продовольствия и швейной мануфактурой, где шили простенькую одежду для бедняков.

Тряпкой расчистив от первого снега кусочек мостовой, эльфа кисточкой нанесла настоявшуюся за день краску. Линия за линией складывался узор. Согревая дыханием озябшие пальцы, ведьма ползала на коленях, заговаривала защитный контур. Готово. Можно читать вызов.

Полушепотом уже по привычке, Тара забормотала слова на древнеэльфийском, вкладывая в них всё желание скрыться от ищущих и... похорошеть.

Холод постепенно проникал под кожаный плащ и шерстяную шапочку. Снег валил сплошной стеной. Крупные белые хлопья плясали вокруг эльфы, не способные преодолеть преграду контура. Метель пела, звала к себе, смеялась, шептала, кричала, завлекала, вспыхивала мириадами огней. Запредельное откликалось, но слишком медленно. И тогда Тара сама шагнула за контур, и встретила лицом к лицу с Судьёй.

В чёрных волосах Судьи сверкали алмазы льдинок, прозрачная туника развивалась, цветы в венке пожухли от холода.

– Согрей меня своим теплом. Отдай свою душу, призвавшая, – зашептала демоница, вцепившись в руку эльфы. И через кожаный рукав проник холод чужачки. Испуганная Тара отступила за линию защиты, но и Судья, не ведая преграды, последовала за ней. – Ты не желаешь платить собой? – предводительница мёртвой армии хищно ухмыльнулась. – Я принимаю твои условия, – она сама отстранилась от Тары. – Я исполню три твоих желания. За это заберу нечто, что тебе очень дорого. Такова моя цена. Справедливо?

Тара кивнула. Что тут торговаться? Что может быть дороже красоты и свободы?

– Желай!

Первое желание, пожалуй, было самым важным.

– Хочу быть красивой, взрослой эльфой – и днём, и ночью, не боясь, что рассеется морок.

– Раз.

– Хочу, чтобы никто не желал спровадить меня в приют.

– Два.

С третьим было туго. Не мстить же семье... Тара не представляла, что желаний будет три. И ляпнула первое, что пришло на ум.

– Хочу стать главной ведьмой королевства, чтобы меня уважали и боялись.

– Три. Договор заключён. Завтра я заберу свою цену. Обратного пути нет, помни это, эльфа.

– Возьми тех чародеев, что приговорили меня к приюту! Это щедрая плата!

– Ты не можешь платить тем, что тебе не принадлежит! Я сказала, я сама возьму, что пожелаю. До встречи, долгоживущая.

Босые ноги Судьи шагнули в метель. А Тара счастливо улыбалась. Она добилась своего. Она победила!

Тщательно стерев контур вызова, она вприпрыжку побежала во дворец, чтобы успеть выспаться и встретить утро новой жизни отдохнувшей.

5

Рион не видел коронации. Спровадив Тюве к ведьмам, он вернулся в город, направился напрямик в Академию. Ведь в числе наставников был его сын.

Коренастый, плотного телосложения Адар мог бы стать хорошим воином, но родился с магическим даром. И едва парню исполнилось пятнадцать лет, навсегда покинул дом. Теперь сын щеголял в зелёно-коричневой мантии, гордо задира подбородок, и снисходительно смотрел на отца.

– Что ты забыл в столице? – вместо приветствия спросил он, будто стесняясь старика.

– Увидеть тебя приехал, сынок. Недолго осталось мне, попрощаться хочу.

– Увидел? – сын поёжился на осеннем ветру.

На лужайке сустились крошечные люди, вспыхивали искорки заклинаний, шли тренировочные бои. Рион вспомнил, как сам некогда так же тренировался. Как в его общежитие однажды влетел шмель, наделав переполоха среди крошечных человечков – учеников.

Его сын наставник. Его уважают, его боятся, им восхищаются. Шесть лет подряд Рион вместе с женой ездил в гости к их мальчику, пока тот не заявил, что уже достаточно взрослый, чтобы не завесить от родителей. Даже деньги несколько раз присылал в доказательство. А после кратко отвечал на письма раз в полгода...

– Увидел, – вдохнул старый сотник. – Не пригласишь, не поговоришь с отцом? – уже понимая, что всё бесполезно, спросил он.

– Не до тебя сейчас, не серчай, – смягчился сын. – У меня заказ на обучение важных людей. Живу на работе. Приезжай по весне. Лучше в конце лета. Тогда и поговорим, по столице прокатимся, за город в мой особняк съездим. А сейчас некогда, прости.

– Счастья тебе, сынок, – вздохнул Рион, покидая Академию.

У второго сына тоже нашлись дела поважнее. Он уезжал к другу в Орчье ханство. Отец поймал его буквально на пороге.

– Вернусь в Тардрагею по весне, – обнял он отца. – Тогда приезжай. Увидимся, наговоримся.

– Хотел бы я встретить весну, – прошептал старик вслед удаляющейся повозке.

Третий сын, вроде, обрадовался, но тут же заявил:

– Чего ты от меня хочешь, батя? У меня семеро детей, жена восьмым беременна. Не до тебя сейчас. И поселить тебя негде. Помогать внуков нянчить? Ты оборотней убивать обучен, а не пелёнки менять. Младшие подрастут, сами в гости заявимся, если у вас нечисть баловать перестанет. Мне даже приютить тебя негде. Лучше к младшему отправляйся. Он у нас блаженный.

Младший жил в мансарде в бедняцком квартале и рисовал, рисовал... Все стены были завешены картинами, полотна стояли на полу, стопками лежали на всех горизонтальных поверхностях. Увидев отца, сын спросил только про деньги.

– Мне выставку надо делать, позарез средства нужны.

– Я тебе выслал всё, что выручил от продажи дома в Саффри, – удивился Рион, уже понимая, здесь он тоже не нужен.

– На что я краски покупаю, холсты? Все говорят, я талантлив, а помощи не дождёшься! Даже ты не веришь, что твой сын гений, денег жалеешь. Мне бы ещё один рывок, и я стану знаменит! Вот увидишь!

Картины сына завораживали. Отец верил, младший не пропадёт, прославится, как мечтал. Но и в его жизни не было места отцу.

Старый сотник снял комнатку в дешевой гостинице, теперь раздумывал – стоит ли тратить последние дни на путь назад в приграничный город, чтобы умереть там, где его знали, и

быть похороненным подле жены. Или провести остаток дней в отдалении от сыновей. Но хоть изредка подглядывая за их жизнью. Скоро ляжет снег. Гадалка, предсказавшая ему судьбу, не ошибалась никогда. С первыми сугробами его, Риона, не станет. Выполнили ли он своё предназначение в жизни? Утро он провёл в храме, выспрашивал у высших сил счастья своим детям – сыновьям и потерянной дочери. А ещё непутёвой эльфе, которой помог добраться до столицы.

* * *

Его Величество Варросео Первый проснулся в на редкость чудесном расположении духа. Терзавшие сердце звери сомнения насытились, улеглись, преданно глядя в глаза хозяину. Варросео проснулся королём и был готов вникать в государственные дела.

Прежде всего, он потянулся, сунул ноги в меховые тапочки, кликнул слуг, чтобы помогли ему одеться, заодно, чтобы не терять драгоценное время, принял у себя министра финансов. Лысеющий «кошелёк» показался ему чересчур любезным, что внушало опасения. Убеждал же негодяй покойного папеньку – беспутный наследник не «потянет» страну, поэтому следует обратить внимание на кузенов и племянников. Ближайшим кузеном был сам министр...

Едва захлопнулась дверь за дядюшкой, вечно плачущимся о нехватке денег в стране, король вызвал Тару.

– Присматривай за ним. Он первый, кому я мешаю.

Эльфа только кивнула.

Далее наследника ждал разбор корреспонденции, адресованной ещё покойному батюшке. Окинув грустным взглядом ворох писем, Варросео понял, что это всё жутко скучно. Он за год столько не читал, сколько требовалось изучить за день. И не просто изучить, как-то прореагировать...

Одному это делать было непривычно и боязно, он снова позвал на помощь телохранительницу. Таре пришлось читать вслух секретные послания и обсуждать пути решения некоторых щекотливых вопросов. Его Величество зевал, кивал на любые предложения и в тайне радовался, что красивая эльфа столь терпелива.

А Тара впервые в жизни чувствовала себя важной, нужной. Нет, это место возле короля она не уступит никому! Это её истинное предназначение, и оно гораздо интересней скучного прозябания в отцовском дворце, нудной зубрёжки замшелых преданий, музицирования и однообразных сплетен о вяло текущей тысячелетней эльфийской жизни. Удел благородной эльфийской принцессы – не для неё. Люди гораздо занимательней и привлекательней. Их век короче, чувства ярче.

Вечером, после важных дел состоялся бал. На него созвали придворных, знать, послов, генералов, чародеев, ведьм и даже богатых купцов. Лились вина, подвали жареных оленей, и нежную телятину, и фаршированных гусей, и многое – многое другое без числа и счёта.

Дамы наперебой хвастались нарядами, украшениями и богатством кавалеров. Кавалеры пыжились от собственной значимости, как сытые воробьи на ветке, выпячивали вперёд грудь.

Не раз бывавшая на королевских балах Тара во все глаза смотрела по сторонам. Сегодня после обеда Варросео, осушив очередной бокал красного вина десятилетней выдержки, похозяйски хлопнув по заду служанку, и улыбнувшись сидящей напротив эльфе, черкнул на салфетке указ – мол, Тара теперь телохранительница всей королевской династии и главная королевская ведьма.

Какие это обязанности возлагало на эльфу, ещё не было ясно, но Тара была довольна. Тем более, что полученные в монастыре знания начали постепенно укладываться в её голове. Ещё немало времени пройдёт, пока столетиями накопленная сокровищница заклинаний и обрядов станет доступна ведьме в полной мере. Но нынешние познания и возможности уже впечатляли.

В бальных залах и трапезных было ослепительно светло. Чародеи из Академии постарались. Зато теперь пускали под потолком маленьких зелёных и лиловых дракончиков, устраивали воздушные бои на потеху публике. Ведьмак-ворон шептался с ведьмой-кошкой. Старый

генерал, увешенный наградами, как груша в урожайный год плодами, пьяно болтал с чародеем из Академии.

Завидев Тару, чародей помахал рукой. Пришлось подойти.

– Девочка, смотрю, ты сумела воспользоваться случайным знакомством, раз на балу пляшешь, – не совсем твёрдым голосом возвестил чародей.

Генерал зыркнул на неё подслеповатыми глазами, икнул:

– И, цыпа какая! Подумаешь!

– Я теперь главная ведьма королевства! – возмущённо топнула ножкой Тара.

– Хе, мы какие великие! – чародей подмигнул эльфе. – А ко мне через день-другой примчишься мордашку подлатать!

– Не надо уже!

Таре захотелось нагрубить, унижить наглеца, знавшего её тайну. Не найдя нужных слов, она развернулась на каблуках и, огибая кружащиеся пары, зашагала дальше – осматривать залы, знакомиться с гостями.

Она чувствовала себя самой красивой, самой успешной из присутствующих, наслаждаясь свободой. Тем более – королю только что доложили: у ворот Тардрагеи нашли шестерых окаменевших големов эльфийского производства. Когда их попытались привести в чувства, чтобы допросить, големы рассыпались в прах. Всё сбылось! И уже без разницы, что именно потребует от неё предводительница мёртвого воинства.

Вон министр финансов с кем-то шушукается. Ближе не подойти, можно вызвать подозрения. Собеседника дядюшки Варросео она запомнила, аккуратно выпросила имя. И поняла – надо бы окружать себя верными помощниками, незаметными, пронирыливыми, талантливыми. Набрать таких людей – её задача в ближайшие полгода...

Стихли бравурные марши. Юный флейтист, сидящий у подножья королевского трона, усердно выводил ноту за нотой. Ему вторила кудрявая певица в черно-красном кружевном платье. Люди, эльфы, гномы, орки и прочие существа танцевали, смеялись, обменивались сплетнями.

Тара уже была готова присоединиться к ним, как кто-то тронул её голый локоть.

– Госпожа ведьма, не гневайтесь на меня ничтожного, но ближе вас к королю нет никого.

Эльфа огляделась, но не нашла говорившего, пока её взгляд не упал вниз. Гном ростом ей по пояс, с рыжей бородищей до пола, с проплешиной на круглой голове, выжидающе буравил её синими глазёнками.

– Госпожа ведьма, вы наша последняя надежда. Для вас дело – сущий пустяк, а мы отблагодарим, не поскупимся.

– Спрашивай.

Таре стало неловко от того, что к ней так обращаются. Она всего ничего при дворе. Откуда такое доверие. Король – понятно, он на самом деле никчемный слизняк. Он поверил ворону и решил переложить бремя управления Кавирой на её плечи. А гному с какого перепуга ей верить? Или настолько велик авторитет ведьм среди народа?

– Госпожа ведьма, – в третий раз повторил коротышка. – У нас тут прииски в горах Саш, ещё прадедом Шипупа Гнедого отписанные нашему роду. А герцог ш`Догар их отобрать решил. С насиженных пещер гонит. На голодную смерть обрекает нас и детишек наших. Подсобите, замолвите словечко перед королём. Не обидим.

Тара кивнула, запоминая слова гнома, и направилась между танцующих пар к королю, но чей-то взгляд касанием крыльев бабочки о щёку, дуновением тепла в мороз, настиг её. И музыка зазвучала иначе, и свет в залах словно загустел.

Тара обернулась на взгляд и замерла. Орэвэль, посол эльфов в мир людей, её несостоявшийся жених. В неизменно чёрно-серебряном костюме. Серебряные волосы ничем не скреп-

лённые, свободно лежали на плечах. На губах полуулыбка. Эльф смотрел на неё, и в раскосых глазах светился восторг. Посол покинул шумную компанию и зашагал к ней.

– Тюве! Ты наконец повзрослела!

Сколько музыки в его голосе! Но как он...

– Ты узнал меня? Как? – Тара не смогла скрыть эмоции.

– Ты должна была стать такой. Каждый раз глядя на твою детскую мордашку, я видел тебя нынешнюю.

Не хотелось больше ничего спрашивать, выяснять. Он здесь, и это главное.

– Пойдём танцевать! – потянула она его за руку, закружил в вальсе.

– Как там дома? – вырвалось у неё после третьего танца.

– Я уехал в тот же день, что и ты. Твой отец как-то загадочно сказал, что ты начала взрослеть и выразила желание уединиться, чтобы потом всех удивить, предстать красавицей. Соседи болтали всякое нехорошее, но я представляю их лица, когда ты вернёшься такая!

Время таяло со скоростью мороженого под жарким солнцем. Голова пьяно кружилась, хотя эльфа даже не пригубила вина. Диковинные для эльфийского уха мелодии не позволяли окончательно поверить в реальность происходящего. Но до конца бала было ещё далеко, когда посол увёл ведьму за собой. Она распахнула перед ним двери своей комнаты, в которой ещё не провела ни единой ночи. От эльфа пахло розами и земляникой. Сине-лиловые глаза блестели в полумраке ярче аметистов. Горячие руки заскользили по вырезу платья на спине.

Жадно ловя поцелуи Орэвэля, Тара окончательно уверовала в своё счастье. И зря.

– Ты! – посол вдруг с силой оттолкнул её.

Тара упала, ударилась виском о спинку кровати, но не почувствовала ни боли, ни струйки крови, потекшей по щеке.

– Гадкая недозрелка! Правы были соседи! Ты никогда не повзрослеешь, останешься сморщенной уродиной, мерзкой лягушкой! Ты претворялась, а я, идиот, не проверил тебя на наличие чар!

– Орэвэль! Любимый, мне обещала Судья, – перепугалась девушка, не веря в происходящее. – Я должна похорошеть уже сегодня! Погоди, ещё день не закончился!

– Ненавижу! Не приближайся ко мне! Завтра же отправлю письмо королю о твоём местонахождении. Ты позор нашего рода!

Он презрительно вытер рукавом губы и выскочил из комнаты, хлопнув дверью.

Тара бросилась к зеркалу, чтобы увидеть – воздушное платье из бледно-зелёной заморской ткани болталось на ней мешком. Заклинание Мастера-чародея бесследно истаяло. Перед зеркалом стояла девочка-подросток и растирала по прыщавому морщинистому лицу слёзы пополам с кровью.

– Что ты наделала, Судья? Ты же обещала! – стонала Тюве. Сильная Тара куда-то испарилась, не обещав вернуться. – Как мне теперь жить?

Эльфа ринулась к двери – скорее закрыться, запереться, чтобы никто не видел её позора. Где выход? Тюве не находила в памяти заклинания-морока для себя, чтобы вновь вернуть красоту.

Решение пришло быстро, и сразу стало спокойно. Выход есть. Раз и навсегда.

Створки окна были большими и тяжелыми. Тем боле, их когда-то покрасили и закрыли, не дав просохнуть краске. Та трескалась, крошилась, обнажая начавшее подгнивать дерево. Плохо закреплённые стёкла дребезжали. Наконец створка поддалась, с жалостливым скрипом распахнулась. Тюве уже подтащила стул, чтобы взобраться на подоконник и совершить последний шаг с пятого этажа, как в комнату чёрной молнией влетел ворон. Через миг рыдающую эльфу тряс за плечи седой ведьмак.

– Какая же ты дура! И ещё главная ведьма Кавиры! Маленькая трусливая дурр-р-ра, не умеющая думать! Нашла, как общаться с Судьёй! Три желания! Да ещё незнамо как сформулированные! Попалась мышка в мышеловку!

Тюве уже не плакала, испуганно моргала в ответ на слова ведьмака. Его сильные пальцы больно впились в хрупкие плечи. «Наверняка, синяки останутся...»

– Что я должна была сделать? – всхлипнула она.

– Приказать ей являться по первому зову! Она посредница между нашим миром и Запредельем. Она обязана подчиниться твоей воле. Это смертники-мстители желания загадывают, чью бы гибель они хотели увидеть. А ведьмы и избранные чародеи требуют подчинения!

Разъярённый ведьмак с трудом сдерживался, чтобы не ударить эльфу. Мягкий звучный голос сейчас дребезжал, как гвозди в железной банке, если ту как следует потрясти.

– Она взяла с тебя плату, а потом и тобой бы не побрезговала, к армии своей мёртвой присоединила, к мстителям кровожадным и клятвопреступникам. А ты знаешь, дурёха, что ведьма в её свите, тем более такой силы, как ты, – гиблое дело. У Запредельного свои законы и мораль. Кто знает, сколько бед ты способна натворить по её приказу?

– Ты мне не сказал! – маленькая девочка была готова уменьшиться до размера горошины, только, чтобы тяжелый взгляд ведьмака не жег её душу.

– Ты знаешь, чем мы сильнее чародеев? Не силой чар. Чаще всего мы здесь наравне. Просто ведьма, прежде чем действовать, сто раз подумает, просчитает каждый шаг, и отыщет наиболее выгодный для неё путь. Это и было твоё испытание, глупая. Додуматься, как договориться.

Ворон устал сердиться, встряхнул белыми патлами и выпустил Тюве.

– Сделку с ней не отменить. Но тебя она больше не утащит следом. В следующий раз, призвав её, сделай так, как я сказал.

Он тяжело вздохнул и обвёл глазами комнату.

– Слушай слова заклинания. Повторяю один раз. Обычно я не занимаюсь улучшением внешнего вида ведьм-неумех. Обновлять – один раз в десяток дней.

Продиктовав формулу, он покинул эльфу, на этот раз через дверь.

На бал Тюве не вернулась, проплакала всю ночь в подушку, а на следующий день произошли сразу три события, навсегда изменившие её жизнь. Но всё по порядку.

Наплакавшаяся, обессиленная, бледнее привидения, эльфа встала задолго до рассвета, босиком прошлёпала к зеркалу – красива ли? Вроде да. Значит, можно начинать день.

Мысленно прикрикнув на свою кислую физиономию во мраке зеркала, она нарочито долго выбирала из вороха новых нарядов, но остановилась на брючном костюме. Так удобней, и на короля легче подействовать, если этот... этот... Если Орэвэль выболтает её секрет.

Перво-наперво она нашла Риона. Поисковое заклинание справилось блестяще. Каково было старику проснуться от поднявшегося в гостинице гвалта и последующего за ним стука в дверь. Ругаясь, наскоро напялив штаны, не потрудившись нацепить рубашку на обезображенное шрамами тело, бывший сотник открыл дверь. На пороге стояла Тюве, вернее, уже Тара – прекрасная ведьма, в окружении свиты телохранителей. На шее сверкали бриллианты. Плечи укрывали пышные меха.

– Хочешь прожить куда больше, чем тебе отведено? – просто спросила она. – Много не обещаю, но мои чары дадут тебе ещё десяток лет. Мне нужен советник в мире людей.

До Риона не сразу дошли её слова. А когда дошли, он недоверчиво воззрился на девчонку. Неужели ему достанется толика времени старшего сына, он дожждётся второго сына из Ханства, понянчит внуков третьего, придёт на выставку младшего? Даже если у них снова не найдётся время на своего старика, оно будет у него. Ждать и быть рядом. Похорошевшая эльфа неожиданно щедра.

– Гадалка, предсказавшая мне смерть, ни разу не ошиблась, – на всякий случай напомнил он гостю.

– Я ведьма, – гордо отозвалась Тара. – Меня научили договариваться с судьбой, даже если та против. У судьбы передо мной серьёзный должок.

Она провела ритуал в тот же день. Сразу после него поручила ошарашенному старику отыскать в столице людей и нелюдей, способных принести клятву верности и стать её ушами и глазами.

– Помоги мне спасти короля от переворота ты же сам говорил, ты клялся ему в верности, попросила она.

Бывший сотник нехотя кивнул.

– Я даю тебе цель жить, – убеждала его девчонка. – Предсказанное сбывается, если ему разрешаешь произойти. Цель рушит предсказания.

– Хорошо, Тюве, – согласился Рион. – Я стану начальником твоих шпионов.

Она довольно улыбнулась в ответ. Тара не обольщалась. Шпионская сеть создаётся за годы, а результат от неё ждут сейчас.

Темно. Хорошо, что эльфы видят в темноте. Жаль, не так хорошо, как им приписывают, но достаточно, чтобы не наткнуться на мебель, ориентироваться в коридорах.

Мягкие ковры... Её шагов не слышно и на паркете.

Эльфа бесшумно скользнула мимо королевской спальни, проверила сохранность поставленных в первый день чар. Король не один, но беспокоиться не о чем. Пара фавориток не в счет. А вот в библиотеке, совмещённой с королевским рабочим кабинетом, есть посторонний.

Когда захотят, эльфы умеют быть неслышными. Затворив за собой дверь и скользнув за шкаф, Тара замерла, наблюдая за танцем пламени на тонком фитильке свечи. Кто-то, сгорбившись, капался в столе, аккуратно вытаскивая одни бумаги и заменяя их на другие. Для чего, Тара сообразила сразу. Молодой король ещё несмышлёныш в государственных делах, полагается на записи отца. Она, его ведьма, тоже не знаток человеческих интриг. Как же просто заставить Варросео действовать по чьей-либо указке! Кстати, хороший метод, надо запомнить на будущее.

Незнакомец, не чувствуя постороннего взгляда, продолжал чёрное дело, что дало Таре возможность как следует прицелиться. Тихий вскрик, перешедший в ещё более тихое мычание, и пойманный злоумышленник слеп, глух и обездвижен. Как хорошо, что ей сегодня стал доступен целый ряд боевых заклинаний!

Кратко просмотрев бумаги и не особо разобравшись с ними, эльфа позвала стражу.

Когда-то девочкой Тюве обожала читать про интриги и преступления, предугадывая, что будет дальше. Вот и накопленные знания пригодились.

Стража примчалась быстро. Король в меховых тапочках и широких ночных штанах, хоть и выглядел невероятно забавным, но был готов растерзать любого, покусившегося на его благополучие. Выяснив, что пойманный злоумышленник оказался писцом при министре финансов, пленника отправили к дознавателям разбираться, кто надоумил на преступление и где таких умных искать.

На Тару теперь смотрел с уважением даже хмурый начальник дворцовой стражи, люто ненавидевший нелюдей. В ответ ведьма одарила его улыбкой. Всё-таки ей несказанно повезло с этим злоумышленником! В глазах короля его поимка выглядит логическим завершением её «расследования». И ей хорошо – некогда думать о вчерашнем, день будет занят разбирательствами...

Писец продержался не долго, выдал своего начальника. Министр указал ещё на нескольких высокопоставленных особ (спасибо придворным чародеям). Дворец жужжал растревоженным осиным гнездом. И к рассвету за главное королевской ведьмой закрепилась репутация всевидящей, всезнающей.

Король ликовал. Тара мрачнела. Она понимала, даже случайное везение накладывает на неё обязательства – всегда и везде быть начеку. Не пропустить ни единой попытки оскорбить короля, уберечь от созревшего заговора. Иначе возникнут ненужные сомнения в её умениях.

Неожиданно навалилась сонливость. Укрывшись в своей комнате от назойливых комплиментов придворных, Тара уткнулась лицом в ещё мокрую от слёз подушку. Захотелось хоть кому-то быть нужной. Даже если её не полюбят, пусть хотя бы зауважают и поймут.

6

Стоя на перекрёстке у шляпного магазина, эльфийский посол нервничал. Пережитое вчера унижение от мерзкой недозрелки надолго испортило его настроение. Какая всё-таки жалость, что девочка навсегда останется такой страшной. В общем-то эльфа она добрая, умная, выгодная партия – как никак принцесса. Но не судьба. Он привык связывать в мыслях её со своим будущим, даже полюбил тот милый образ, так жестоко рассеявшийся вчера. Бедняжка! Зря он вчера так резко. Она наверняка наябедничает отцу. Но уж слишком велико было чувство омерзения...

Орэвэль стоял под мокрым снегом ранней зимы и ждал осведомителя. Нужны были сведения, компрометирующие нового короля. Варросео мешал эльфийской державе. Такой не затеет долгожданную войну Кавиры с Ирью, вплотную поставившей к границам эльфийского королевства свои форпосты. Такой не позволит эльфийским кораблям беспрепятственно возить контрабанду в Лирадру.

По всем прогнозам выходило – король с делами освоится быстро, за полгода юнец войдёт в силу, наберётся опыта и мудрости. Если, конечно, его раньше не устранить. Репутация мямли и бездельника в таких случаях мимолётна. Пара жестких мер, и свита присмирееет, граждане зауважают. Следует торопиться.

Эльфам не нужна спокойная Кавира. Пора сместить короля и посадить на трон своего кандидата, способного начать войну. Исход не важен. Главное вымотать давнего противника – Ирью и бескровно отобрать часть территорий. В обмен на продовольствие, одежду, лекарства... Для мятежа всё готово. Найти бы повод, чтобы народ поддержал, и соседи не возмущались...

Осведомитель задерживался уже на десять минут. Такого прежде не случалось. Мираю был пунктуален. «Неужто попался?» Говорят, у короля появилась личная ведьма немалой силы. Вычислила? Связать Тюве и Тару, главную ведьму Кавиры, Орэвэлю не пришло в голову. Какой нормальный эльф присягнёт жалкому человечешке?

Вот и Мираю. Прихрамывает, опасливо шагает по ещё не покрывшимся корочкой льда камням. Точно что-то случилось. Орэвэль направился к доносчику. И упал. Ноги прочно стянула петля силы. А вместо Мираю над ним стоял чародей из королевской свиты. Из-за домов, отрезая пути к отступлению, показался целый вооруженный отряд.

– Добегался, эльфийский пёс? – с издёвкой в голосе поинтересовался чародей. Посол только вздохнул. Иллюзий на свой счет он не испытывал.

Если бы Тара, поймав на рассвете в силовой капкан лазутчика, пробравшегося в кабинет Варросео, знала, что это приведёт некогда нежно любимого Орэвэля на виселицу, выдала бы она писца страже? Наверно, да. За ночь любовь отвергнутой и оскорблённой девушки истаяла, как тает недолговечный морок. Осталась обида и боль предательства. Не оценил, не пожалел, не понял. Оскорбил, растоптал так бережно лелеемое чувство.

Когда Орэвэля притащили к королю, она молча стояла за троном и смотрела на перепуганного, но старавшегося держать себя в руках эльфа. Предательство нельзя оправдывать, только простить. Она не простила.

Его Величество Варросео Первый наслаждался своей властью. Третий день правления, и первый шпионский заговор! Следует проявить жестокость, чтобы другим было неповадно.

– На виселицу, на главной площади! Устроим народу праздник! – повелел он. – И тех, что в пыточной, тоже.

Эльфа вместе с несколькими людьми-помощниками потащили прочь. В глубине души Тюве рыдала, умоляла могущественную ведьму сделать хоть что-нибудь, чтобы спасти бывшего жениха. Тара не шевельнулась. Тара окончательно разуверилась в своих соплеменниках. Тара видела из этой казни только пользу для государства, которому она присягнула, спасение

от затяжной кровопролитной войны. Тара поклялась себе всегда платить предателям их же монетой.

Не помогли Орэвэлю красноречивые взгляды в сторону главной ведьмы, оказавшейся вдруг его зачарованной уродливой невестой. Стоя на балконе по правую руку Его Величества, Тара навсегда прощалась с любовью. Она превратилась в истинную ведьму – расчётливую, уверенную, ставившую разум и выгоду превыше всяких чувств.

Тонкая острая игла раскаленным кончиком жалила сердце, когда на шею послу накидывали верёвку, когда палач выбивал из-под его ног табуретку... Но губы главной ведьмы королевства улыбались. И не знала эльфа, как затесавшийся в толпу зевак ведьмак-ворон сказал своей спутнице-кошке, пристроившейся у него на плече:

– Милая, пора нам убираться из окрестностей Тардрагеи. Власть здесь теперь в надёжных... слишком надёжных руках... Очень скоро нам станет тесно.

Кошка согласно мяукнула и потёрлась мордочкой о щёку ведьмака.

... После полудня прискакал курьер с письмом к королевской ведьме. Откуда он взялся, и куда делся, передав футляр в руки слуг, так и не выяснили.

Зато Тара, увидев отцовский герб на замке, тут же всё поняла, и поспешно вытащила адресованный ей свиток.

«Тюверизель, – писал отец. – Я горд твоими успехами. Ты избежала древнего проклятья эльфов. Мы, эльфы, слишком древняя и малочисленная раса. Мы вырождаемся, отучаемся делать поступки, испытывать сильные чувства. Поэтому в наших семьях всё чаще рождаются дети, не способные повзрослеть. Большинство из них вынуждены провести полную скорби, и оттого недолгую жизнь в приюте. Но есть те, кто противится участи. Они бегают. За ними, дав фору в несколько дней, отправляют ищеек. Ищейки подстёгивают беглецов, заставляют их переживать прежде незнакомые эмоции. На пути у убегающих возникают препятствия, что тоже помогает им повзрослеть. И когда процесс взросления начинается, ищейки саморазрушаются.

Дочь, вчера мне передали, что посланные за тобой големы стали прахом. Прими мои поздравления. Через месяц-другой твоя внешность станет по-настоящему эльфийской. Едва это случится, уезжай из грязного мира людей! Мы согласны принять тебя дома.

Твои родители».

От письма веяло морозной зимой. Слез девушка не сдерживала, пусть текут по щекам, пусть смывают накопившуюся боль. Семья может принять её только красивой, только достойной. Или не принять вовсе.

– Проклятая Судья! – только и вырвалось у Тары. – погоди же у меня, подлая исполнительница чужих желаний!

А к вечеру у первой ведьмы Кавиры выпал первый молочный зуб...

* * *

Всю ночь бушевала метель слишком рано пришедшей зимы. Снежинки липли к стёклам, становясь частью морозного узора. С голых ветвей рябины осыпались последние промёрзшие алые ягоды. А по облакам на белом коне впереди мёртвой армии скакала Судья. И если бы кто-нибудь сейчас заглянул в её нечеловеческое лицо, поразился бы довольной ухмылке. Теперь у проводницы между мирами в ближайшую пару сотен лет будет, чем уколоть будущую великую ведьму Кавиры. Да и воинство пополнилось. На чёрном коне по правую руку от Судьи скакал красавец эльф по имени Орэвэль и преданно смотрел на свою безжалостную госпожу...

Эпизод 2. Переворот

...Территория людей и эльфов. Людское государство Кавира...

1

Человечка была огненно рыжей, что добавляло ей шарма. У неё не хватало верхнего переднего зуба, но сей факт Руваса не смущал. Не успела долечиться, всякое бывает. Выглядела девчушка вполне прилично: облегающее платье медового цвета из недешевой ткани, на шейном шнурке золотой кулончик, на полном пальчике – колечко.

Цыпочка – просто подарок, лет тринадцати – четырнадцати отроду. Уютная, не тощая, как многие столичные дамочки, но и не раскормленная мамками-няньками. Сидит на лавочке в парке под цветущим каштаном, болтает ногами, уплетает ведёрко мороженого. Даже мордашку не перемазала.

Рувас задумчиво поскрёб затылок, шевельнул ушами, прислушиваясь к звукам утомлённого будним днём города, и стал медленно слезать с фонаря. Когтистые лапки цеплялись за кованые аккуратные завитки на столбе. «Сейчас, моя хорошенькая, будет тебе сюрпризик!»

Задняя лапка задёргалась, ища опору. Коготки царапнули тёмно-серебристую краску. Дизайнерские задумки на фонаре закончились. Рувас потянул длинным рыльцем воздух, дуря от аромата мороженого, выгнулся, разматывая тщательно спрятанный под меховой курточкой хвост, зацепился его кончиком за последний завиток и, зажмутив глаза, разжал лапки. Тело коротышки плюхнулось вниз. Хвост сильно натянулся под тяжестью тела, но выдержал. И не такое выдерживал. Даже живую добычу случалось за собой тащить, а это не в ухе поковырять!

Рувас повисел несколько секунд вниз головой, сориентировался, что до земли совсем немного и развязал петлю. Трава приняла его мягко, место оказалось чистеньким. Приведя себя в порядок, подкорректировав внешний вид, Рувас обрадовался – рыженькая даже не повернулась в его сторону. Ведёрко с разноцветными шариками мороженого было ей дороже всего. Но как ваниль пахнет! Рувас в предвкушении облизнулся, вывернул курточку белым мехом наружу и медленно вышел из зарослей, на ходу наводя нужные чары.

Он знал – разные человечки видят перед собой разных существ. Кто-то считает его щенком, кто-то детёнышем пушистого дракона... Эта человечка решила, что Рувас кот. Она залезла пятернёй в ведёрко, вытащила полусъеденный шарик черничного мороженого и протянула на раскрытой ладони Рувасу.

– Киса-киса!

Рувас брезгливо поморщился. Что она этими руками делала до того, как уселась поедать лакомство? Он отвернул мордочку, запрыгнул на скамейку, ткнулся в тёплый мягкий бок человечки, изображая умиротворённое мурлыканье, и уже был готов приступить ко второй фазе своего плана, под названием «пошли домой, моя хорошая», как шерсть под курткой зашевелилась, наэлектрелезовалась, хвост произвольно задёргался, грозясь обнаружить себя. Рувас вжался в скамейку, намечая пути к отступлению.

На него надвигалось самое страшное и подлое в подлунном мире существо. Эльф. Борясь с приступом удушающей аллергии на остроухого, Рувас бросил прощальный взгляд на мороженое и уже собрался задать дёру, как сильная рука проворного врага подхватила его за ворот. Эльф покрутил тельце боявшегося пошевелиться зверька перед лицом запротестовавшей человечки, щёлкнул пальцами, стоня чары. Разглядев, кого она пыталась накормить мороженым, девушка взвизгнула, подскочила, опрокинув на скамейку ведёрко, и поспешила прочь по аллее.

Рувас, чувствуя, что сейчас зайдётся в приступе чиха, заколотил в воздухе лапами, противно запищал. Эльф только расхохотался, усадил жертву на скамейку прямоком возле лежащего на боку ведёрка, сам пристроился на краешке и, прищулив слишком большие для представителя его племени глаза, уставился на странное существо, задышавшееся в приступе чиха.

Через пять минут отчихавшийся Рувас вытер рыльце рукавом куртки и неприязненно зашипел на эльфа.

– Хам! – выдал он и, двумя лапами обхватив ведёрко, торопливо принялся вылизывать длинным языком остатки мороженого. Не пропадать же добру.

– Что, не дал девочку обидеть? – уточнил эльф, наслаждаясь зрелищем.

Ещё бы, перед ним сидело существо, похожее на бескрылую летучую мышь. Размером оно было в половину молодого гнома, короткошерстное, с розовым усатым рыльцем и длинным крысиным хвостом. Через редкую белую шерстку просвечивала нежная тонкая кожа. Весь наряд создания составляли белые меховые штанишки и такая же меховая курточка. Так удобней притворяться безобидным зверем. Название подобной твари маги-классификаторы ещё не придумали – случая не представилось. И экземпляр – всего один.

– А тебе что до человечки? – огрызнулся Рувас, с сожалением глядя на сине-лимонную кляксу на лакированной скамье. – Шел бы себе и шел. Нет, ему покрасоваться вздумалось!

Он отставил пустое ведёрко в сторону и принялся облизываться.

– Почему бы нет?

Эльф пригладил чёрные до синевы волосы. Рувас только сейчас разглядел на его подбородке едва начавшую отрастать щетину. Полукровка. Да ещё щенок-молокосос, едва совершеннолетие справил. О, Луна, он из Ири прибыл – на острых ушах кисточки!

Несчастное существо вновь скрутило в приступе аллергии. Эльф дождался завершения приступа, протянул свой платок, от которого Рувас отшатнулся, как герцог от нищенки.

– Я давно тебя выслеживал, – признался эльф, пряча платок обратно. – С того самого момента, как ты из дворца сбежал. С жертвами твоими беседовал. Много девочек обобрал? Где добычу прячешь?

Тон незнакомца был обыденным, но Рувас насторожился. Остроухая тварь хочет отобрать честным воровством собранные богатства! Пора линять отсюда. Нет доверия тем, на кого так рыльце реагирует.

– С сегодняшнего дня с этим безобразием тебе придётся завязать, – строго заявил эльф. И неожиданно добавил. – Домой хочешь?

– Мне и здесь не дуется! – ошетинился Рувас. И без того тоненький голосок натянутой тетивой прозвенел полумраке. – Пчхи!

– Будь здоров! – вежливо пожелал эльф. – А домой ты хочешь, не лги мне. Вот уж наказание она тебе придумала! Знали бы люди, кто под крысиной шкуркой скрывается!

Рувас замер от неожиданности. Сейчас, на растущей луне, разум зверька был затуманен нуждами маленького тела: поесть, отыскать домик поуютней да побогаче на пару-тройку дней, разжиться богатствами, прикопать их в тайнике и удрать поскорей. Но едва проходило полнолуние, начиналась пытка. В сознании наступало просветление, и Рувас выл и метался в маленькой берлоге от ненависти и обиды на ту, которая заключила его, владыку Нижних царств, в смертное убогое тело!

Но даже сейчас он вздрагивал при любом упоминании от её должности и титула, а ещё больше от её имени: ТАРА.

– Пойдёшь со мной, – приказал эльф, легко поднимаясь со скамьи. – Кстати, называй меня Сольеваль.

Он улыбнулся одними губами и зашуршал гравием. Рувас помедлил, мол, на кой мне неприятности? После этой встречи прочихаться бы. Но благоразумие взяло верх. Остроухие тоже не жалуют свою соплеменницу, присягнувшую людям. Посему выходит, не ради игры в карты и не за местным пивом прибыл в Тардрагею отыскивавший его чародей. Стоит попробовать освободиться.

Спрыгнув со скамейки, Рувас пустился вдогонку за шустрым эльфом вначале на двух, а потом и на четырёх лапах.

Сольеваль не стал оглядываться. Тварюжка не потеряется. Ишь, как шустро топчет, дышит, точно трактирщик, которого эльф сегодня загонял. Низкорождённый человек посмел

не поселить его, наследника князя Кисо из дома Даригас, в лучший номер! Подумаешь, что там уже остановилась какая-то знатная тётка. Она же человек, она обязана ему уступить! Впрочем, всё вышло как нельзя лучше. Тётка повозмуцалась и съехала, а он вместе со своим сопровождающим заселился в трёхкомнатный номер с балконом, увитым дикими розами.

У ворот парка, освещённого оранжево-желтыми фонарями, Сольеваль прибавил шаг, обгоняя собак, выгуливавших своих хозяев, и возящихся с писклявыми отпрысками мамаш. Он проскользнул мимо профессиональных нищих, переместившихся к вечеру с рыночной площади на новое место, не удостоил взглядом танцующий фонтан и свернул в сторону более респектабельных кварталов. Только там мог найти себе пристанище в этом жутком городе высокородный эльф. Пусть в нём течёт четверть презренной людской крови, это не мешает ему быть наследником одного из самых больших состояний Алого леса...

А вечер зажигал звёзды, еле заметные на густо синем небосводе, стекал по шпилям башен темнотой, заполняя улицы, точно тёмное терпкое вино, заставлял мелкую мошкарку жаться к фонарям и подсвеченным чарами вывескам. Менялись очертания зданий и фигуры людей, обволакиваемые мраком. По-другому дышалось и думалось. С непривычки эльфу пришлось поплутать среди людских жилищ, прежде чем он нашел то, что искал.

Приоткрытую, блестящую лаком дверь трактира «Хриплый Бард» Сольеваль небрежно пнул носком сапога, неспешно вошел в общий зал, снисходительно кивнул местным сородичам, что-то праздновавшим в углу, брезгливо обогнал человеческую женщину, возле самой лестницы вздумавшую припудрить нос, и взлетел по ступеням на третий этаж. Лишь у двери своего номера он задержался, соизволив дожидаться запыхавшегося Руваса.

Несчастное взмыленное существо из последних сил преодолело расстояние от лестницы до ненавистного провожатого, не переставая чихать и хлюпать рыльцем, прошмыгнуло между высоких бордовых сапог эльфа и ворвалось в комнату, где, наверняка, найдётся для него печенье и, возможно, мороженое.

Чувствуя своё превосходство, гордый поимкой Руваса, Сольеваль расправил пошире плечи и шагнул в озаренный сине-розовыми холодными огоньками номер. Пусть вынужденный спутник, жалкий человечиска, позавидует его уму и таланту. Ишь, придумали, будто занимающиеся ведьмовством сильнее чародеев! Наследник князя Кисо лично бы отрубил голову шутнику, сочинившему эту басенку.

Сопровождающий эльфа ведьмак развалился в кресле под лампой и, закинув длинные ноги на спинку впереди стоящего стула, полировал тряпицей рукоять своего кривого меча. Стального цвета блестящая рубашка была распахнута, демонстрируя омерзительные с эльфийской точки зрения старые шрамы и пару десятков амулетов на мускулистой груди.

«Он нарочно меня выводит! – еле сдержался, чтобы не поморщиться эльф. – Если Светлый Совет удостоил его чести меня сопровождать, это не повод вести себя по-скотски!»

Ведмак, прекрасно знавший об эмоциях напарника, сладко зевнул и потянулся. На вид ему было лет тридцать, но служители богов стареют гораздо медленнее обычных людей, поэтому Сольеваль подозревал – спутнику никак не меньше семидесяти. По человеческим меркам Вимер был даже симпатичным, его не портили выдающийся подбородок и глубокая морщина, пролегающая через высокий лоб. Густые волосы, собранные сзади в короткий хвостик, в свете лампы переливались всеми оттенками рыжего.

– Пока ты тут бездарно рушишь надежды Светлого Совета на разгадку ЕЁ силы, я разыскал важного свидетеля! – произнёс сквозь зубы высокородный.

Губы ведьмака вытянулись в снисходительной улыбке, мол, давай, малыш, хвастайся, а я, так и быть послушаю, ругаться не буду. Сольеваль сжал кулаки, выдумывая очередную колкость.

– О! – завидев Руваса, Вимер прыснул, чем немало обидел маленькое существо. – Здорово она тебя приложила. Я слышал, что владыка Нижнего царства опростоволосился, но чтобы так!

Зверёк зашипел и попятился, понимая – печенья он сегодня вряд ли получит.

– А ты не разочаровал меня, мальчик, – ведьмак улыбнулся эльфу, встал с кресла и принялся застёгивать рубашку. – Жаль, что ты так долго соображал, кого из владык Запредельного стоит искать. За то, что опознал его в этой милой зверушке, отдельное спасибо. Ты не безнадёжен.

«Он знал, кого следует найти. И где именно – тоже знал! Он надо мной издевался!» – кипел княжич, вспоминая оброненную напарником как бы невзначай фразу о поимке Тарой одного из владык Запредельного. Сольеваль услышал и загорелся идеей – отыскать, во что бы то не стало выделиться. А, оказывается, этот человек так ему приказал. Фу! Какой позор!

Эльф побелел от бешенства. Рука сама легла на эфес шпаги. Жаль, сейчас он скован поручением Светлого Совета и своего занудного папаши. Но после выполнения задания, Сольеваль лично дерёт кожу с наглого человека и повесит в охотничьем зале вместе с боевыми трофеями.

Ведьмак же, добившись нужной реакции напарника, присел возле Руваса.

– Здравствуй, великий дух. Через два дня полнолуние. Думаю, тогда нам будет о чём поговорить. А пока ответь, чего бы ты хотел?

– Печенья! И мороженого. И воды шипучей! – начал перечислять зверёк.

– Слышал, парень, сбегай принеси, у тебя ноги молодые, быстрые.

Ошалевший от такого непочтения эльф не нашелся, чем ответить заносчивой выскочке и вылетел вон, громко хлопнув дверью. А ведьмак вновь склонился к Рувасу.

– Ты меня совсем-совсем не узнаешь, помощник?

Существо виновато заклопало и нехотя кивнуло, смешно сцепив лапки на животе.

– Я помню. И не помню, – виновато пробормотало оно.

– Ничего, луна перевалит за половину, тогда вспомнишь, как миленький...

... Когда часы не ратуше отметили миг смены дат, в «Хриплом Барде» начал затихать шум. Менестрели паковали флейты и арфы, трактирщик тактично отказывался продавать вино почтенным господам, ссылаясь на законы.

А в лучшем номере на третьем этаже сладко спал юный эльф, развалившись на спине, широко раскинув руки, точно пытаясь взлететь. Спал и безмятежно улыбался, словно и не был заносчивым мальчишкой, не битым жизнью.

Спал и маленький Рувас, свернувшись клубочком в кресле. Во сне он умудрялся чихать, громко хлопнуть рыльцем и нервно вздрагивать, подёргивая задними лапками.

Не спалось одному ведьмаку. Он сидел на корточках подле кресла с Рувасом и в сотый раз мысленно восторгался гением своей коллеги. Как она уделала великого духа! Одна из опаснейших тварей Запредельного, бояться которой следует даже бывалым ведьмам и чародеям, вынуждена томиться в убогом теле, унижаясь, приворовывая, благо, что милостыню не прося!

Вимер видел Тару лишь единожды мельком лет сорок назад, когда король Кавиры был в Ири с визитом. Тогда младшая дочь Лидва Кучерявого выходила замуж за второго сына ирьского владыки.

Ведьмаку хватило одного взгляда на эльфу, более пяти веков стоящую за тронном кавирских королей, чтобы потерять разум и покой на долгие годы. Даже его женщина, которую он старался удержать рядом с собой два десятка лет, была чем-то похожа на Тару – высокая, стройная, светловолосая, властная, слишком свободолюбивая, как и Тара. Она появлялась в его жизни и исчезала с упрямством северных ветров, налетавших ближе к зиме и выдувавших последние остатки тепла из изголодавшейся по любви души.

В пальцах ведьмака крутились световые шарики, озаряя камни в перстнях и на многочисленных браслетах, сковывающих сильные руки от запястьев до локтей. Каждый камень –

быстрое заклинение на случай опасности. А она настанет. Ведь задание у Вимера и Сольеваля одно – узнать как можно больше о главной королевской ведьме, прикинуть пределы её силы и, если невероятно повезёт, убить. Но ведьмак знал, настолько им, к счастью, повезти не может. Он верил в Тару, как верят, что завтра снова встанет солнце.

С прибытием в Тардрагею сердце в груди Вимера рвалось и билось, точно висельник в петле. Она рядом. Близко-близко. И срочно нужно найти пути её увидеть, приблизиться к ней. А там будет видно.

Светлые с рыжиной пряди длинных волос упали на глаза, уголки губ на миг дрогнули, но ведьмак упрямо вздёрнул подбородок вверх. Ни одного сожаления о прошлом, ни одной мечты о несбыточном не подпускал он к себе. Сперва задание. И особенно Рувас. Снять чары с маленького воришки едва ли не важнее, чем ещё раз увидеть её, Тару.

За пять веков Светлый Совет Ири пришел к выводу: на богатые земли Кавиры, славящиеся золотыми и алмазными копями, широкими судоходными реками, месторождениями светящихся камней и многим-многом другим нет смысла разевать рот. Нет смысла даже пытаться договориться о льготном пропуске через границу торговых караванов, беспопышном пересечении территориальных вод и многом-многом-многом другом, пока у трона стоит она – главная королевская ведьма.

Не раз соседи засылали шпионов и ассасинов, не раз выпускали тысячеустое чудовище – слухи, позорящие истинную владычицу Кавиры, пытались сыграть на её нечеловеческой природе, вызвать ненависть. Не выходило. Точно приклеенная ускоглазая ведьма была при королях, внимавших каждому её слову. Владыки рождались и умирали с мыслью о том, что их защищает самое могущественное существо в подлунном мире.

И только теперь тщательно проанализировав поведение нового короля, члены Светлого Совета поняли – у них появился призрачный шанс. И послали шпионов. Несколько десятков. Вчера, например, на главной площади расстреляли пятерых...

Утомившись ломать голову над заклинением, которым она заключила в материальное тело великого духа, Вимер ушел в свою комнату, лёг на кровать лицом к окну и до утра проглядел на тот кусочек неба, где блестела не заглушенная городскими фонарями пара особо ярких звёзд, да ненадолго отметил краешек почти полной луны. К утру в голове ведьмака вызрел план проникновения во дворец.

2

– Мы все камни нашли, госпожа ведьма!

Маленький, кучерявый Мироз, являвший собой нечто среднее между человеком и гномом, с грацией бегемота припал к руке вошедшей эльфы, щекоча кожу длинными усами пшеничного цвета. Остальные шестеро «волков» только склонили головы в приветствии. Красивые, как один высокие, выносливые, с дипломами чародеев, не раз проверенные в деле – истинная элита королевства. Пять веков назад старик Рион основал Тайную Службу, в которой сейчас служили лучшие из умнейших. Не то, что слащавые министры Илварада! Другая бы возгордилась такой армией, но не Тара. Вечная лишь мысленно наметила себе лично просмотреть очередных выпускников Академии чародейства и монастырей, дабы удвоить число верных.

В овальные окна Тайной Службы уже заглядывала почти полная луна, но никто по домам не торопился. Какой отдых, когда неугомонные соседи что ни день выдумывают всё новые и новые провокации? Теперь очнулась родина Тары, эльфийское государство Варандэ. Даже странно – со времён гибели её бывшего жениха Орэвэля это первая крупная провокация. И то умело замаскированная под пакостливую Ирью.

В ярком свете ламп, гроздьями свисавших с выгнутого куполом тёмного деревянного потолка, поблескивал стол неправильной формы. И на его полупрозрачной глади уродливым напоминанием о раскрытом преступлении чернел надёжно запечатанный свинцовый ящик. Сложенные в нём камни собирали по всему городу. Они не несли в себе чар, не были пропитаны ядом, ибо сами были отравой – драгоценной и смертоносной, как истинное сокровище. Светящиеся в полумраке завораживающим светом, точно блуждающие огоньки на старых кладбищах, они хранили в себе опасные силы Земли. Силы, которые намного позже и не под небом этого мира люди назовут радиацией...

Эльфа приблизилась к ящику, провела над ним узкой ладонью, не прикасаясь, нахмурила лоб.

– Выкиньте эту гадость в глубокую шахту подальше от поселений. И забудьте навеки, – наконец сказала она.

Трое сотрудников Службы расторопно подхватили перекрёстным заклинанием смертоносный груз и потащили к чёрному ходу, возле которого уже ждала повозка.

– Я хочу видеть мерзавца, раскидавшего их по городу, – пожелала Тара, едва за серыми плащами «волков» захлопнулись кленовые двери, еле различимые на фоне резных панелей, покрывающих стены. – Много ещё пострадало? – требовательно поинтересовалась ведьма.

– Пока никто не обращался, уважаемая.

Услужливый Мироз распахнул перед ней парадную стеклянную дверь кабинета, приглашая следовать к пленнику, четвёртый день томящемуся в одной из дознавательных камер.

Красно-коричневое платье Вечной зашуршало по мозаике паркета. Каблучки тихо застучали, вторя грузной походке начальника Тайной Службы...

Тара не любила пыток. Не любила смотреть на кровь и насилие. К чему пачкать руки и бездарно тратить время, измываясь над живыми существами, если истину можно вызнать гораздо быстрее и спокойней? Но международные дела иногда требовали отступить от привычных правил, и Тара вынуждена была включиться в игру.

В узкой длинной камере Тайной Службы который день маялся на грани забытья один из богатейших купцов Варандэ. Неимоверно старый, почти ровесник её покойного отца эльф, подзадержавшийся в подлунном мире, висел на прочных цепях над ямой с кислотой. Едкие испарения разъедали уже не способную на регенерацию кожу, выжигали лёгкие. Седые волосы и брови долгоживущего создания вылезли, обнажая не совсем правильный по форме череп.

Яркий свет нещадно бил в ещё зрячие глаза, а контролирующее заклинание не позволяло нелюдю хотя бы на миг отключиться, провалиться в забытие.

Миро́з скептическим взглядом оглядел чуть слышно поскуливающего пленника и сердито проворчал:

– Рано вы мерзавца отпускать собрались. На вашем месте я бы по частям его выслал.

Глубокий бас Мироза пророкотал под высоким закопченным потолком камеры, заставив пленника вздрогнуть. Тара брезгливо поджала губы, не желая приближаться к зловонной яме, предоставила возможность карлику рисковать белизной отглаженного мундира.

Стараясь не задеть покрытых серо-зелёным налётом испарений стен, она негромко заговорила. Не сомневаясь – даже не смотря на испытываемые муки, пленник слышит её отменно:

– Ты отвисел своё. Я притворюсь, что поверила твоим побасенкам про приказ ваших чародеев, про то, что ты знать не знал, какую мерзость везёшь в столицу вместе с коллекцией минералов. Ты отправишься к своему королю с посланием от меня. Я наложу на тебя заклинание. И только носитель королевской крови вашего рода сможет его с тебя снять. Это, мой миленький, чтобы ты не заблудился по дороге. Заблудишься – пеняй на себя. Пережитая пытка по сравнению с ждущей тебя кончиной покажется послеобеденным сытым сном. Кстати, твой опыт послужит примером всем вредителям из Варандэ. Каждого сунувшегося на мою территорию обезобразу так, что сородичи с орками перепутают.

Она хладнокровно расправилась с засланным купцом, отлично зная – потеря красоты для эльфа из Варандэ – страшнее смерти, несмываемый позор. Пример этого купца надолго отвадит сородичей щёлкать зубами в сторону Кавиры.

Она коснулась плеча Мироза, предлагая поговорить наедине, и вышла из переполненной ядовитыми парами камеры.

– Не переживай, мой друг, – обратилась она к карлику. – ты видишь, эльфы выражаются. У них нет фантазии как следует нам напакостить.

– Это отсутствие фантазии? – поразился начальник Тайной Службы, вспоминая про смертоносные камни, на которые заклинания его подчинённых долго не могли выйти.

Тара поморщилась.

– Варандэ вырождается, там тесно от уродливых душой и телом.

Ведьма не договорила. Вспомнилась собственная юность, обречённая перерасти в уродливую старость, побег из отцовского дворца в поисках спасения. Боли в душе давно не было. Только презрение к сородичам, лишённое тени жалости. После всего случившегося отца с матерью она видела лишь раз, братьев и сестёр намеренно избегала, ибо знала – их детей тоже, скорее всего, ждёт подобное испытание. Иметь хоть что-то общее с гордым до глупости народом она не желала. После трёхкратного её отказа вернуться на родину и не якшаться с недостойными тварями неэльфийского происхождения её вычеркнули из числа живых, предав имя позору. Её родина теперь Кабира.

Ирьские владыки – совсем другое дело. Эти твари изворотливы, хитры и умны. Просчитывать их ходы – интересно и волнующе. Вот он достойный противник для её ума. И противник этот, судя по сбивчивым донесениям разведки, готовит весьма опасную атаку, предотвратить которую она пока не в состоянии...

3

Ильварад по прозвищу Орешек королём был энергичным, образованным и, как ему казалось, самостоятельным. Не одарённый богами приятной внешностью, он считал, что с лихвой компенсировал данный недостаток приветливостью, въедливостью в государственные проблемы и природным упорством. Вот и сейчас, вернувшись из очередной поездки по стране, он не нежился сладким сном в уютной постели под оливковым балдахином, не обнимал королеву, женщину миловидную, но на редкость болтливую и недалёкую, с утра до ночи думавшую только о балах и нарядах.

С четырёх часов утра Ильварад сидел в кабинете, разглядывая карту Кавиры и просматривая отчёты о делах в девяти герцогствах. Король ёрзал на старомодном кресле, слишком жестком, громоздком и низком. Увы, за четыре года правления поменять доставшуюся от предков мебель Он не спешил. Придёт ещё время перемен. Уже скоро...

Кисточка сиреневого ночного колпака норовила упасть на правый глаз. Голые лодыжки мёрзли. В правой туфле сбилась стелька, но его величество мужественно старался сконцентрировать мысли на государственных делах.

Воспитывайся Ильварад при дворе, наверняка не забивал бы себе голову такой мелочью, как изменение поголовья скота или своевременность орошения полей в каждом поселении, доверив столь частные вопросы талантам младших министров, а сам бы занимался стратегией, сверяя принятые решения с мнением «главного оружия королевства» в лице эльфы Тары. Но пока был жив батюшка, на редкость подозрительный и своенравный экземпляр, его отпрыски вначале воспитывались в военной школе в Тюсвири, скучая в сырых стенах старинного замка, потом жили за пределами столицы, читая запрещённую литературу и нахватавшись из неё совсем не государственных идей.

Королём Ильварад становиться не планировал. Для этого у него был старший брат. Но тот наряду с многочисленными достоинствами имел дурную привычку инкогнито прогуливаться по значным местам. Там его и не узнали (а, может, наоборот), проткнули, обчистили и оставили умирать в канаве. Через год не стало и короля, Лидва Кучерявого.

Вечная Тара в первый же день прибытия Ильварада во дворец едва ли не силой оттащила безутешного новоявленного наследника от остывающего трупа батюшки и, глядя сверху вниз льдистыми глазами, безжалостно заявила.

– Ты теперь король! А выглядишь точно самонадеянный, глупый и мягкотелый мямля! Разве короли позволяют являться перед очами подданных в таком виде?! Твоя жена, принцесса из Лирадры, ведёт себя хуже крестьянки. Вы совсем одичали в провинции, и теперь обязаны слушаться меня во всём, чтобы соответствовать высокому званию владыки и завоевать уважение народа!

Ошалевший от такой прямоты Ильварад тогда не нашелся, что сказать. Но постепенно стал отдаляться от могущественной опекуниши, по крохам выцарапывая власть из её цепких пальцев. Только по-прежнему на всех государственных мероприятиях и переговорах она стояла за его правым плечом, сверля взглядом затылок, точно вкладывая свои мысли в его большую голову (из-за неё, кстати, и прозвали короля Орешком столичные острословы). Может, именно поэтому на тридцать четвёртом году сын Лидва Кучерявого был почти лыс.

Первые лучи встающего солнца подсветили светло-коричневое каменное кружево дворцовых башен, засияли на синеватых стенах старого дворца, который уже сотню лет, как пора снести, проникли сквозь желтоватые стёкла в кабинет. Ильварад дёрнул за цепочку, гася лампу, и вновь зашелестел бумагами. Он может управлять страной без помощи ведьмы! Другие же короли как-то управляют.

Тара посмеивалась над его потугами, позволяя мышонку свободно бегать по клетке. Сама же сосредоточилась на ловле шпионов.

Король находил отдушину в детях. Всех троих, по достижению десяти лет старшеньким, планировал отправить в военную школу подальше от столицы, от Тары.

С восьми утра Ильварад ознакомился с отчетами, уверившись – в королевстве дела идут скорее хорошо, чем плохо. Ещё он порадовался, что верные ему люди тоже умеют собирать информацию. Не только Тайная Служба старается.

До завтрака оставался час, и его величество, одолеваемое скукой пополам с желанием самоутвердиться, сотворить нечто поперёк воли Тары, с кислым выражением физиономии слонялось по прохладным залам, пугая слуг неподобающим видом. Ильварад знал, бродить в пижаме – ребячество, но может же он когда-нибудь наплевать на этикет! Его воротило от необходимости подчиняться женщине, да ещё инородке! Он знал, как изменить ситуацию. И почти не боялся.

Да, последние сто лет в соседней Ири король сидит на троне для красоты, а всем заправляет Светлый Совет, состоящий из наиболее родовитых и талантливых в чарах представителей людей и эльфов. Да, сейчас в Лирадре назревает переворот. Возмущённые высокими налогами, восстают провинция за провинцией. Но до этого короли соседних государств правили вполне успешно, а, главное, самостоятельно! И, если верить хроникам, в Кавире до Варросео Улыбчивого тоже обходились без ведьмы.

Переворот зрел в самой Кавире. Его величество, окружив себя двумя десятками советников, тайно рассматривал пути возвращения всей полноты власти. И самое забавное, ведьма наверняка об этом догадывалась, и ничего не предпринимала, считая мальчишеством. И это непомерно злило Ильварада.

Позволив себя, наконец, одеть, позавтракав в обществе супруги и трёх чад-погодок, его величество спустилось в малый тронный зал. Сегодня наступил День приёмов, когда подданным дозволялось обращаться к владыке за справедливостью, если спор нельзя было решить ни полюбовно, ни в суде.

Скользнув рукой по золочёным перилам широкой лестницы, миновав склонившихся в ритуальном поклоне придворных дам, обсуждавших последние дворцовые сплетни, отразившись в полусотне зеркал широкой анфилады, Ильварад оказался в бело-золотой зале.

Никаких особых украшений там не было. Только длинные лакированные скамьи для посетителей – восемь рядов, как в общественном храме,¹ начинались сразу у входа. Прямо напротив высокой двустворчатой двери у соседней стены на возвышении, покрытом красным ковром, стоял мраморный трон. Сидеть на нём оказалось невероятно холодно и неудобно, отчего Ильварад приказал сшить мягкую подушечку. Но проклятая ведьма высказала своё мнение даже в этом вопросе, причём, прилюдно, унизив короля перед придворными.

– Мой государь, сия задумка – жесткий трон – мудра и проверена столетиями. Подушка расслабляет и не позволяет твоему уму быть достаточно острым и быстрым в решении сложных проблем.

Король не нашел, чем ответить, впрочем, как и всегда. Но от подушки не отказался. Просто включил её в состав одежды для приёмов. Авось под мантией заметно не будет...

В зале его величество ждали около сорока посетителей, но для короля они были на одно лицо, являя собой живой памятник бездарно убитому дню. За порядком среди просителей следили семеро стражников-чародеев. Ведьмы не наблюдалось, что подняло Ильвараду настроение.

---

¹ Общественные храмы находятся в черте города, в них могут молиться все желающие. Есть ещё храмы-школы, в которых обучаются ведьмы. В них разрешен доступ только избранным.

«Опять разбирать дела о пропавших курах и измене жен!» – в голове шевельнулась неведомая мысль.

Первые два с половиной часа его величество выдержал с достоинством, потом выяснил – потаённая подушка не достаточно тепла и мягка. Заныла поясница, затекли ноги... А люди всё жаловались и жаловались на свои бесконечные беды, чего-то хотели, о чём-то мечтали... И не только простолюдины. Была и юная ведьма, обиженная наставниками, и бывшая фаворитка герцога, желавшая отщипнуть часть богатств от оставившего её покровителя, и один из богатейших купцов, сетовавший на непомерные поборы судей за разрешение торговых споров...

«Глупая традиция! – думалось королю. – Почему этим должен заниматься именно я? Неужели я держу министров только для демонстрации модных нарядов?»

– Ваше величество, – из единой безликой массы просителей вынырнул белобрысый юноша с внешностью менестреля. – Слушаясь вашего указа, я тоже решил поучаствовать в конкурсе по усовершенствованию механических стрекоз, и подготовил свой проект увеличения их дальности и грузоподъёмности. Ровно в установленные сроки я явился на рассмотрение...

Свет солнца, разбиваясь об узорчатые посеребрённые решетки на окнах, полз по полу, складываясь в силуэты мифических чудовищ. Тени тоже извивались морскими змеями. Очень захотелось спать – давал знать о себе ранний подъём.

– Ваше величество, молодой человек задал вопрос? – раздался сзади ядовитый голос ведьмы. Когда она подкралась, гадюка?

– Я думаю, – поняв, что прослушав больше половины речи, король решил схитрить. – Повтори в двух словах свою просьбу, чтобы я ответил более точно...

Парень стрельнул дождливо-серыми глазами в сторону эльфы, помял в руках чёрную бархатную беретку и терпеливо повторил заново.

– Я усовершенствовал механическую стрекозу. Но мне отказали в рассмотрении, ибо я не состою ни в гильдии летунов, ни в гильдии изобретателей, хотя по условию конкурса этого не требуется. Комиссия даже не захотела посмотреть работу моих моделей, обозвала дилетантом и выгнала взашей. Я прошу справедливости. Рекомендуйте комиссии рассмотреть мои модели, вы не пожалеете! Они все летают!

– Что ж, – многозначительно протянул король. – Я подпишу акт-рекомендацию.

– Благодарю, ваше величество.

Парень согнулся в поклоне, а Ильварад впервые за день посмотрел на Тару. Та стояла точно статуя, облачённая в наглухо застёгнутое алое платье с воротником-стойкой. В светлых волосах сверкали чёрные бриллианты. На губах застыла вежливая улыбка. Хотя, нет, на паренька ведьма смотрела заинтересовано.

Подавив зевок, Ильварад снова повернулся к просителям. Осталось человек десять. Это на час-полтора. Выдержать можно...

Под конец приёма к королю вышел одетый в чёрный костюм красавец эльф (ну, да, да, среди эльфов некрасавцев не бывает... почти).

Пряди не доходящих до плеч волос были перехвачены полусотней ленточек, отчего причёска незнакомца казалась празднично-пышной. Основания кисточек на ушах украшали золотые колечки. Несмотря на наставшие тёплые дни, высокие бордовые сапоги незнакомца были оторочены мехом и украшены розовым жемчугом. В руках разряженный остроухий бережно нёс деревянный ларец, покрытый изящной резьбой с добавлением кусочков янтаря.

Измотанный Ильварад изъёрзался на троне, мечтая о горячей ванне и паре часов спокойного сна. На эльфа он уставился, как смотрят на моль, восседающую на парадном костюме.

– Я проделал долгий путь, – степенно произнёс долгоживущий, холодно глядя на короля чёрными миндалевидными глазами. – Мой друг – мастер-ювелир редкого таланта. Он широко известен в королевстве Ир и за её пределами. Он прислал меня наладить торговые связи в прекрасной столице Кавиры. И прежде других я прибыл к вашему величеству. Оцените сие кольцо,

и если ваша несравненная супруга или благородная ведьма, – он низко поклонился Таре, – или кто-то из придворных дам пожелает его приобрести, или вообще проявит интерес к работе мастера Нарсо, я буду на следующем Дне приёмов.

Оставив ларец у ног короля и ещё раз согнувшись в низком поклоне, эльф попятился вниз, умудрившись не навернуться с лестницы, и только тогда, когда ноги его ступили с ковра на мозаичный пол, дитя лесов грациозно повернулся и, не оглядываясь, вышел из зала.

Ильварад в замешательстве повернулся к Таре. Почему она молчит? Отчего не проверяет ларец на чары или на взрывчатку? Или она (за шиворот короля точно высыпали пригоршню снега) сама причастна к этому. Она всё знает! Она знает про последнее решение заговорщиков! Несмотря на прохладный воздух, король вспотел.

– Ваше величество, что же вы не желаете порадовать даму изысканным украшением? Я вся нетерпение! – голос Тары был насмешливым. Всё видит, чтоб её! И наслаждается.

Проклиная себя за недостаток мужества, убеждая, что придворные чародеи наверняка досмотрели просителей, Ильварад наклонился к ларцу, неуклюже откинул крышку и поспешил убрать руки.

– А он и вправду мастер, этот ирьский ювелир, – задумчиво произнесла Тара, разглядывая тончайшее кружево платины, алмазов и светящихся даже при свете дня эльфийских сплавов. Мелкие зелёные камни, похожие на изумруды, но гораздо более дорогие, поскольку добываются только в Алом лесу, вотчине ирских эльфов, дополняли изысканный узор.

– Вашей супруге понравится. Оно достойно коронованной особы, – заключила Тара, и тоже покинула зал, оставив короля разглядывать почти невесомый шедевр и радоваться, что змея на этот раз не ужалила.

Выйдя от короля, ведьма проследовала во внутренний дворик, стремительно процокала каблучками по бледно-серым камням дорожек, миновала вход в застеклённую оранжерею, поднялась по ступеням на взлётную площадку над ней, где висела на привязи механическая стрекоза – единственная во дворце, ибо остальные придворные побаивались доверять свои бранные тела металлу и ветру.

Двухместная кабина была завалена бумагами. Тара так и не успела разобрать ворох доставленных на рассвете донесений. Но время будет. Не прогадать бы с главным.

Длинные пальцы забегали по рычажкам и выключателям, сработали замки отцепления, и рвущаяся в небо стрекоза выпустила наружу полупрозрачные крылья, оторвала тонкое, накаченное газом серебристое тело от металлической площадки. Тара позволила себе улыбнуться чуть шире обычного и запустила мотор. Зашипели, задребезжали, замолотили полуденный воздух оба двигателя, спрятанные под брюхом, развернулся руль высоты, и стрекоза медленно воспарила над дворцом.

Главная королевская ведьма стремилась поскорее облететь обширные просторы дворца и оказаться в личных покоях – Белой Башне, возведённой особняком от всех прочих построек. На её ровную крышу и причалила стрекоза. Ступив на белые камни, Тара любовно погладила нагретый на солнце металл стрекозиной дверцы.

Могущественная эльфа в последнее время с энтузиазмом принялась развивать армию, преодолевая закостенелость королевских генералов, внедряя технические новинки. Правда, такие новинки были несовершенны, их следовало дорабатывать. И всё же в имеющемся виде они представляли собой грозную силу. Ни в арсенале опирающейся на чары Ири, ни у бедной Лирадры подобного оружия не было и не предвиделось в ближайшие сотни лет. Хотя, из Шарары, что за мятежной Лирадрой, доходили весьма настораживающие сообщения об открытиях местных учёных...

Обычно чуждая сильным эмоциям Тара в последние дни была раздосадована поведением короля. Мучительно хотелось отдохнуть. При батюшке Ильварада она спокойно могла отправиться в путешествие на полгода и не переживать, что творится в стране. А тут...

Бездарный мальчишка, окруженный бандой алчных карьеристов возомнил себя всемогущим, надумал от неё избавиться. Да каким образом?! Вначале лично отбирал убийц (неизменно оказывающихся дилетантами), подсылал их в надежде, что она купится на смазливый мордашки, подпустит к себе поближе. Потом подкладывал взрывчатку в моторы стрекозы, не учтя охранные заклинания... Да мало ли случаев было? Не он первый, не он последний. Проучила бы щенка, да соседи оживились, продохнуть не дают...

Алый полумрак комнаты принял её, заколыхался тяжелыми портьерами. Кто-то есть в приёмной. Щёлкнув пальцами, Тара зажгла лампочки. Одета во всё алое комната стала похожа на пасть дракона, готового выдохнуть на нарушителей спокойствия фонтан огня.

– Госпожа ведьма...

С кресла поднялся верный Мироз, второй после неё в государстве отвечающий за безопасность.

Это даже хорошо, что он пришел. Не придётся ворошить бумаги. Сейчас сам всё расскажет.

– Слушаю тебя. Что нового в нашем государстве и за его пределами?

Она сделала ему знак сесть, сама тоже жестом подвинула к себе кресло, устроилась напротив коротышки.

– Госпожа главная ведьма, мы обнаружили ещё восьмерых ирских лазутчиков именно там, где вы и предполагали. Взять их незаметно или?...

Молодец, правильно понял, что заниматься чтением отчетов ей было некогда.

– Хватит с нас пятерых казнённых шпионов, – улыбнулась ещё шире Тара. Её настроение поднималось быстрее, чем механическая стрекоза набирает высоту. – Пусть осмелеют, погромче зашуршат. Тогда всех и возьмём. Лучше коротко перескажи, что было в отчете, и я дам тебе несколько особых поручений.

– Ир объявила военные учения в опасной близости с нашей границей. В Лирадре вчера ночью свергли короля. Сегодня собираются казнить его вместе с семьёй. Министров уже перестреляли, – начал перечислять Мироз. – В самой Кавире пока тихо. На границах было несколько стычек с разбойниками, но сопровождающие торговые караваны чародеи отбили. Всё.

– А во дворце? – не удержалась от яда в голосе ведьма.

– Вам всё известно, моя госпожа, – виновато склонил голову коротышка. – Хотя я ради этого к вам и пришел. Ильварад вместе со своими министрами на завтрашний день наметили званый ужин и бал.

Мироз склонил голову, длинные пшеничного цвета бакенбарды и ухоженные усы скорбно поникли.

– Госпожа, одно ваше слово и...

Тара только хитро подмигнула своему генералу. Ему стоит доверять. Сорок лет преданной службы о чём-то говорят.

– Моё слово – ничего не предпринимать и дать событиям возможность развиваться, как развиваются, что бы ни случилось. Не пугаться, – она протянула тонкую руку, коснулась запястья коротышки. – Меня уже столько раз пытались уничтожить, что я потеряла попыткам счёт. На обеде и балу пусть присутствуют доверенные лица. Только присутствуют. Ничего больше. Этим вечером я приду в замок Тайной Службы и озвучу дальнейшие инструкции. Даже здесь я не доверяюсь стенам. Только там, – она вновь подмигнула Мирозу.

Умничка, всё понял. Согласно кивнул, поднялся с кресла, одёрнул китель белого мундира и, отсалютовав госпоже, шаркая, отправился к выходу. Теперь можно работать. А отчеты она почитает позже.

Её беспокоила Ир. С каждым днём всё больше. Светлый Совет, на три четверти состоящий из её соплеменников, готовил редкостную подлость, и Тара пока не решила, как заставить

его передумать. Но время ещё было. Эльфы медлительные и склочные. Даже ирийцы. Пара месяцев на взаимное выяснение отношений у них уйдёт. За это время ведьма отыщет пути обойти их чары.

Сегодня её головная боль – Илварад. Прочитать его со всей жестокостью не получится. Значит, нужно действовать красиво и цинично, как и прежде. Люди есть люди – приходится работать с тем материалом, который имеется в наличии. Орешек – не худший из королей Кавиры.

Воспоминания закружили могущественную Тару в водовороте прошлого. Первые сто лет ведьмачества она училась, познавала себя и постигала природу людской расы. Ещё двести потребовалось на выстраивание отношений с Запредельным – тайным миром, позволяющим чародеям и ведьмам раскрывать свои силы и добиваться желаемого с наименьшими трудозатратами.

В последние столетия она совершенствовалась в интригах. И пока такая жизнь ей не наскучила. Ещё не время уходить. Не все мечты и желания воплощены в жизнь. Да и иссякнули они? Людской мир научил её жить быстро, с радостью воспринимать новое, не жалея об ушедшем. Она гораздо быстрее медлительных сородичей. И это возбуждает интерес к каждому завтрашнему дню.

Она встряхнула светлыми волосами. Нечего заикливаться на прошлом. Чтобы завтра для неё наступило, следует потрудиться сегодня.

Сейчас путь Тары лежал в подземелья под Башней. Там, в лабиринте только ей известных ходов, в защищённой от любого подслушивания зале творились обычно самые сильные чары. Подходящее место для контакта с Запредельным. Голые стены, пара светильников под высоким куполообразным сводом, ниша для переодевания, если обряд того требовал. Впрочем, Тара не жаловалась лишнего маскарада. Только самое необходимое.

Водрузив в центре залы тяжелую чашу, налив в неё из бутылки до половины нефти, ведьма заперла защищённую стальным щитом дверь, отрезав себе всякий контакт с внешним миром.

Нелёгкий денёк её ждёт. На благо государства предстоит пообщаться с парой десятков демонов. Не самых сильных, не высших духов, но вполне вредных и опасных, если не знать, как с ними себя вести.

Встав у стены идеально-белого кирпича, Тара взмахнула рукой, замуриваясь на секунду. Отдача от сотворённых чар заставила её покачнуться. Залу озарила ослепительная вспышка – это разрядился гиалитовый перстень со встроенным быстрым заклинением, отчего сияющий камень помутнел. Зато на полу сам собой проявился сорокагранный алый рисунок, в центре которого пламенела чаша с нефтью.

Чёрный дым плотными клубами устремлялся под своды. Десяток отрывистых фраз, пара быстрых жестов руками, напоминающих язык немых, и нефтяной дым приобрёл очертания великанши с витыми рогами на трёхглазой голове и с гривой переливающихся всеми цветами волос, достигающих до колен.

– Кто посмел побесобоко... Опять ты, беспощадная, – разочарованно заявила великанша. Высокое сопрано её голоса перепуганной бабочкой забило в прочной скорлупе стен.

Тара придиричливо осмотрела запредельную тварь и, выдержав паузу, тихо сказала:

– Есть для тебя задание, – тон Вечной не обещал запредельной твари ничего хорошего. – Не думаю, что дольше, чем на сутки. А сделаешь ты вот что...

3

Перепополненному ожиданиями Вимеру оставалось только бродить вдоль реки, поглядывая на позолоченный вечерним солнцем дворец на другом берегу Хьёры. Сегодня на рассвете в «Хриплого Барда» примчались королевские гонцы. Падкая на украшения королева купилась на коле, и эльф отправился с альбомом наперевес на приём к его величеству. Вимер был доволен – как хорошо, что он позаботился о прикрытии и взял часть нераспроданных работ с собой. Почти заброшенное увлечение может сослужить неплохую службу.

Одна за другой мимо проезжали кареты и постепенно входившие в моду самодвижущиеся паро-магические повозки, смрадно дымящие, зато куда более быстрые. Подлетели целых три механические стрекозы – создания диковинные и не перестающие удивлять иностранцев. Это были длинные огурцеподобные твари с полупрозрачными крыльями, со стеклянной полусферой для двоих пассажиров на том месте, где у приличной стрекозы находится голова. Они рычали обозлёнными собачонками, визгливо дребезжали, но умудрялись летать... Новая забава Тары даже многим кавирцам внушала священный трепет, не только ему, Вимеру, ирыцу.

– Эй, господин, – окликнули сзади. – Господин, богатеи празднуют, пойдём и мы поведемся.

Ведьмак медленно повернул голову, не желая отрывать взгляда от воздушных монстров, сотворённых людским гением. Его звала девушка в простеньком коричневом платье служанки, в розовом платочке на тёмных волосах, симпатичная, на вид простоватая.

– Ищи себе попутчика в другом месте, – отмахнулся от неё ведьмак, поворачиваясь вновь лицом к дворцу. Хотя, что он там мог разглядеть? Сольеваль, если всё пойдёт хорошо, вернётся заполночь.

– Господин, – упорствовала простолюдинка. – Мне ТЫ нравишься. Ты, поди, не обидишь меня, другим в обиду не дашь. А мне шибко плясать охота. Пойдём!

– Ага, как раз для танцев наряд, – Вимер кивнул на замызганное платье собеседницы. Да и сам он был хорош: цвета гниющих листьев мешковатые штаны, чёрная с мелкими зелёными пятнами охотничья куртка...

– Верно. Давай через час встретимся на этом же месте. Я переоденусь и ты тоже, – согласилась девушка, поправляя косынку. – У меня к тебе разговор помимо плясок будет.

И не пожелав услышать его ответ, она кинулась в сторону бедных кварталов.

Ведьмак тоскливо посмотрел ей в след, отвлечённо подумав: «Интересно, сколько наших проникло сегодня во дворец? И сколько сумеет выйти живыми?» Он пожал плечами и неспешно зашагал в сторону «Хриплого Барда». То, что девка – подстава, даже дураку ясно. Но с какой целью? В своих силах Вимер не сомневался. Он хорошо подготовился к этой поездке. Пока эльфийский хлыщ заводит полезные знакомства и нащупывает пригодных для дела людей и сородичей, стоит выяснить, кто подбирается к ним с тыла.

Зайдя в номер и отдав купленные по дороге конфеты и печенье пленному Рувасу, ведьмак принялся одеваться. Амулеты Вимер носил на себе бесскидно. Деньги для человека с даром не проблема. Остальное – только самое необходимое. Удобные туфли, мягкие штаны чёрные, просторная рубашка цвета морской волны с длинными рукавами, способная скрыть амулеты и ведьмовское родимое пятно на ключице, сине-зелёный блестящий пиджак с глубокими карманами. И короткий кривой меч в лёгких ножнах. Меч, сделанный мастером под себя, заговорённый и закалённый особым образом, с тонкой вязью заклинаний на древнеэльфийском по обеим сторонам сияющего лезвия.

Готов. Что со зверем делать? Вимер рассчитывал вернуться сюда. Внутреннее чутьё серьёзных неприятностей не обещало. Так что с жертвой чар главной королевской ведьмы шанс побеседовать ещё выпадет.

Руvas, словно уловив направленные на него мысли, вытащил перемазанную крошками мордочку из пакета с печеньем и осведомился:

– Ты видел её?

– Нет. Во дворец отправился остроухий.

Руvas фыркнул.

– Ничего у него не выйдет. Она как всегда всех обхитрит. Даже тех, кто сильнее её.

Вимер удивлённо уставился на существо, но просветление рассудка у великого духа было недолгим. Вылизывание крошек из опустошенного пакета оказалось для него занятием куда более приятным, чем беседы о злокозненности Тары.

Ведьмак покинул гостиницу, за пять минут преодолел расстояние до места. Единственный парадный костюм вдруг показался ему нелепым на фоне неярко одетых горожан. Но тут появилась она, та самая служанка, и Вимер мысленно выругался. Она что, сама ведьма, раз так угадала с нарядом? Чуть более тёмная, чем его пиджак кофточка с глубоким вырезом. Яркосиняя неширокая юбка. Длинные серебряные серьги с камнями такими же зелёными, как и её глаза. Тёмные волнистые волосы мягко опускаются чуть ниже плеч.

«Заманивают, однозначно», – окончательно уверился ведьмак, позволяя девушке взять себя под руку.

– Веди, – смилостивился он.

Незнакомка увлекала Вимера прочь от дворца через респектабельные кварталы к озеру Шёпота. Не доходя до него, она свернула к двухэтажному зданию «Танцующей Цапли». Точно, говорят, здесь устраивают праздники в дни королевских приёмов.

Пожилой менестрель, наигрывавший на флейте, сидел под украшенным цветами козырьком над входом. В маленьком фонтанчике перед ступенями плавали лепестки роз.

Стоило девушке коснуться кончиками пальцев двери, украшенной рисунком танцующих птиц, та распахнулась. Мелодично отозвались невидимые взгляду колокольчики. Повеяло прохладой и ароматом яблок.

– Это заведение держит мой друг из Ири, – улыбнулась ему через плечо девушка. – Надеюсь, тебе будет приятно увидеть здесь кусочек твоей родины.

– С чего ты решила? – Вимер окончательно убедился – встреча подстроена. Разум советовал развернуться и задать дёру куда подальше. Но ноги сами шагнули через порог.

Их встретили раздвигающиеся лёгкие двери, а потом и полупрозрачная занавеска, покрытая узором цветущих яблонь. За ней был просторный светлый зал, в центре которого на помосте извивались, танцевали под надрывную ирскую музыку четыре женщины в народных костюмах: по молочно-белому шелку струились сине-розовые цветы. Просторные шаровары и чересчур узкие юбки, обтягивающие кофты с дразняще-широкими рукавами, замысловатые высокие причёски с обилием шпилек, заколок и гребней – всё это действительно напоминало Ир, только гротескную, рассчитанную на иностранцев...

– С чего ты решила, что я ириец? – Вимер поймал девушку за локоть, но она ускользнула, точно приведение или посланница Запредельного.

За низкими столами на полу сидели люди. Из чёрных фарфоровых чашек они пили белый сок ирского корня, настоящий на соке молочных деревьев. Ирийцы – завидные сладкоежки. Но сладости их острее красного перца, и без белого напитка проглотить хоть кусочек лакомств неподготовленным человеку или эльфу невозможно.

Молниеносно сориентировавшись, что в этом зале свободных мест не найти, незнакомка поманила Вимера за собой. Подпустив его к себе поближе, она провалилась в полумрак за очередной раздвижной дверью. Там звучала уже боле современная музыка, у сцены кружили пары, а в широкие распахнутые окна, начинающиеся от пола, было видно озеро Шёпота. По нему, словно перенесённая из заговорённого сада ирийского короля, скользила ладья под красным тентом, вся озарённая ярко-желтыми фонариками.

На каждом столе так же стояло по фонарику. Если собеседники хотели, чтобы их лица были видны друг другу, они садились как можно ближе к столу, оказываясь в круге неяркого света...

За один из таких столиков усалила ведьмака незнакомка. Не дав ему возможности что-либо сказать, она заговорила первой:

– Я рада, что ты сюда приехал, мастер Вимер Нарсо. Не скрою, мне очень повезло найти тебя до того, как...

Она умолкла и оглянулась на дверь. Но вошедшая парочка так же как они присела за столик, и беспокойство спутницы ведьмака рассеялось.

– Великий ведьмак-оружейник сделал ошибку, направив гонца сразу во дворец, где его творение узнали, – продолжала девушка, беря в руки листочки с меню.

– Что из того? Благодаря работе с металлом я известен далеко за пределами Ири, – притворно удивился Вимер, присматриваясь к собеседнице повнимательней.

Она же наклонилась к нему так, что от горячего дыхания шевелились волосы над ухом ведьмака, и быстро зашептала.

– Я позвала тебя сюда, чтобы спасти. Ещё много лет назад клинок твоей работы признал владелицей Вечную. Шпага есть у герцога ш`Нардага, в чьих жилах течёт слишком много королевской крови, чтобы спать спокойно ночами. Сейчас любое оружие будет в цене, не только разрушающее чары и охранные заклинания. Во дворце что-то затевается. Я не посвящена во все интриги, но кое-что долетало даже до такой недалёкой наседки, как я.

Заинтригованный ведьмак чуть сощурился, присматриваясь к девушке. Под мороком она оказалась лет на десять старше, но осталась довольно красивой. Не узнать её лица ирский шпион не мог. Королева! Аллвада, старшая дочь бывшего короля Лирадры.

– Ваше... – он осёкся, не веря в свой успех. – Как вас величать?

– Вада. И говори «ты», – зашептала она.

Подошла служанка. Пришлось сделать заказ. Вимер пытался сообразить, с чего королеве предупреждать его, и что вообще она здесь делает во время приёма, но Аллвада сама принялась объяснять.

– Не знаю, хотел ли ты денег или славы в наших краях, но неприятности уже получил. Вчера вечером я имела неосторожность надеть твоё кольцо. Мастера узнали слишком многие. Друга твоего скорее всего уже схватили «волки» Тары. У тебя есть шанс спастись. В награду за предупреждение ты мне поможешь.

– Чем, Вада? – Вимер внутренне возликовал. Вот он – рычаг давления на короля! Сидит напротив, затравленная, испуганная.

– Детей я спрятала. Сама тоже не пропала бы, сбежав подальше. Но мне нужно оставаться в столице. Что бы не происходило во дворце, принадлежащее моим детям никогда не попадёт в руки ш`Нардага.

Вот как. Интересно.

– Официально я почувствовала себя неважно в начале приёма и удалилась после приветствия первых гостей. Детям на таких мероприятиях тоже присутствовать рано. С помощью верных мне людей я вывела их из дворца. Сегодня там непременно что-то случится.

– Ваше... Вада, но ваша семья под опекой Тары, – осторожно произнёс ведьмак.

– Была, пока мой супруг не пошел против неё, – вздохнула королева, впрочем, без особых сожалений. – Я боюсь её до дрожи! – призналась Аллвада и тут же добавила. – Кого она поддержит при перевороте, мне неизвестно.

– Что конкретно нужно от меня? – заёрзал на подушках Вимер, немало удивленный новостями.

– Приют и защита. На первое время. Как придумаю, что делать – скажу.

Вот так! Свяжись с женщиной, хоть и с королевой, получишь сплошную неопределённость. Но это шанс не провалить задание. Судя по словам её величества, по Сольевалю уже нужно заказывать прощальный обряд в храме. Если всё серьёзно, его не вытащить живым. Жалко мальчишку.

Отведя беглую Аллваду в одну из небольших, но уютных городских гостиниц, поселившись в соседних номерах с видом на дворец и реку, Вимер поспешил в «Хромого Барда» за Рувасом и остатками вещей. Существо заупрямилось, заныло, затребовала печенья. Завтра-послезавтра, миленький, ты по-другому запоёшь. А сегодня ведьмак, повесил за спину мешок со своими пожитками и частью вещичек эльфа, завернул Руваса в куртку как шкодливого котёнка, зажал подмышкой и спустился вниз к хозяину. Если эльф к утру вернётся, можно будет строить планы совместно, а пока... Пока стоит дожждаться рассвета.

Многое стало ясно уже часа в три после полуночи, когда загрохотали выстрелы, и за дворцом со стороны замка Тайной Службы взвилось в небо алое зарево. Стреляли и на улицах. Арбалеты, ружья, мечи – всё шло в дело. По набережной носились зловещие чёрные тени. Возмущённо стрекотали пожарные стрекозы, зачёрпывая в реке воду и тяжело таща её к горящему замку.

Перепуганная шумом к ведьмаку, позабыв о глупостях этикета, пробралась королева, дрожащими пальцами вцепилась в его локоть, бормоча:

– Что творится! Боги, за что это?!

Страдающий от близости населяющих гостиницу эльфов Рувас, неподвластный ведьмовским зельям, заходил в чихе. Соседи по этажу, явные провинциалы, бесстрашно высыпали на просторный балкон, оживлённо обсуждая происходящее. А Вимер окончательно уверился – Сольеваля к утру ждать не стоит.

Затихло всё, как ни странно, до рассвета, а к половине шестого только лёгкий дымок из-за по-прежнему непоколебимого дворца напоминал о ночных событиях. К семи утра горожане, как ни в чём не бывало, засновали по улицам, зацокали по мостовым конные экипажи, запыхтели паро-магические повозки, едко прозванные в народе вонючками.

Заинтригованный ведьмак, одевшись понеприметней, тоже выбрался на свежий воздух, купил у седой булочницы плюшку с повидлом и прогулочным шагом направился к Королевскому мосту, по дороге прислушиваясь к разговорам. А говорили разное.

– Вечная ночью важных шпионов ловила.

– Короля убить пытались!

– Бунтовщики из Лирадры во дворец рвались.

– Чародеи и ведьмаки демонов неудачно вызывали...

У Королевского моста за пивной Лисвива Пуханута была неприметная для непосвящённых дверка. Там серьёзные люди почти круглосуточно обсуждали происходящее в городе и стране, принимали судьбоносные решения, заключали сделки, делали ставки на исход различных событий, вечерами играли в карты по крупному.

Пробывшего в столице всего месяц Вимера здесь сразу зауважали, во-первых, потому что он ведьмак. Во-вторых, он мог запросто уделать любого карточного шулера, хотя бы потому, что ведьмак. И, в-третьих, самых главных, Лисвив Пуханут давно был завербован ирскими прознатчиками и при первой необходимости доставал самые невероятные сведения легче, чем карту из рукава.

То, что в столь опасной близости от Белой Башни проживает такой человек и даже насморком не страдает со страха, явлением было удивительным. Но Лисвив человеком слыл ушлым, умел договориться со всеми и играл на чужих слабостях так же, как и на струнах своей любимой арфы – виртуозно и самозабвенно.

Едва ведьмак, чуть согнувшись, вошел в низенькую дверь, отдохавший от посетителей (что странно в такой-то час) Лисвив встал из-за инструмента, оборвав на середине дивное творение модного в этом сезоне эльфийского композитора, и, не здороваясь, посетовал:

– Как вчера палили, да? Всех клиентов перебаламутили! В прошедший день только домой бы собирались! Какие убытки, да?

Он умудрялся смотреть сверху вниз на гостя, едва доходя ему плеча. Владелец непримечательного заведения был почти лыс, зато редкую растительность на затылке холил и лелеял, собирая в длинный хвост. Художественные татуировки на голых руках выдавали в Лисвиве натуру тонкую, творческую, а на шерстяном жилете блестел орден за верную службу в королевском полку. Бывший вояка а, вернее, армейский менестрель (но об этом знали только избранные) очень гордился этой наградой.

– Я пришел. Радуйся мне, – ведьмак бесцеремонно пнул ногой стул, отодвигая его от круглого столика, уселся, посмотрел болотного цвета глазами на Лисвива и, демонстративно достав из кармана несколько крупных монет, принялся перекидывать из руки в руку, коротко потребовав:

– Докладывай.

Лисвив фыркнул, предусмотрительно запер дверь, дабы случайные посетители не осквернили бы свой слух столь опасной информацией. Он сел напротив ведьмака, жестом дав понять, что деньги от своего ему без надобности, и принялся рассказывать, отчаянно жестикулируя.

– Знаешь наверняка, вчера у этих был бал, – он мотнул головой в сторону дворца. – Мно-о-ого народа съехалось, да. Король наш не поленился – и крысу, и сороконожку – всех перечислил в приглашениях. Вначале тихо было: ели-пили на дармовщинку, танцевали.

Лисвив попытался изобразить, сидя на стуле, как именно танцевали, чуть не свалился, чем вызвал снисходительную усмешку гостя.

– Потом, вроде как Вечной поплохело, – продолжил он доклад. – Представь, да? Вызвала она свих «волков», мол, травить меня вздумали! Те ринулись гостей строить, досматривать. Кухню собирались перевернуть вверх дном. Король ножками коротенькими затоптал, слюной забрызгал: не порти, говорит, праздник. Всегда ты вмешиваешься!

– А Тара? – спросил заинтригованный ведьмак, откинувшись назад и предвкушая подробности.

– Тара на него шикнула, молчи, мол, недостойный. Каково она его, да? Среди гостей полно шпионов. Я, мол, твою жалкую шкуру спасаю, а ты без малейшего сознания себя ведёшь. Больше, говорит, слова тебе не скажу, живи, как хочешь. И правь своей страной сам! Во как!

Лисвив притопнул ногами, погрустнел, вздохнул.

– Повели под руки из дворца почти бесчувственную Вечную её верные «волки», а их на лестнице ждали. Невесть откуда целый отряд чародеев взялся. Всех положили. В Вечной, говорят, дыр наделали больше, чем в дуршлаге. Мой прознатчик лично видел, как труп выносили.

– Быть не может! – потрясённо прошептал Вимер, подавшись вперёд и вцепившись пальцами в поцарапанную столешницу.

– Завалили её, богами клянусь! Вот так, – Лисвив хлопнул в ладоши, как будто ловил комара, и ещё растёр воображаемое насекомое между узких ладоней. – Нет больше Тары-то! Хорошо готовились-то. Не ожидала она, да.

Вимер сидел, оглушенный новостью. Сильнейшая ведьма этого мира и так глупо погибла! В сердце это не укладывалось. В сознании тоже. Неужели расслабилась, недосмотрела, допустила предателя в ряды верных?

– Да клянусь тебе! – видя его замешательство, принялся уверять Лисвив. – Как её укокошили, королевские войска пошли громить Тайную Службу. Говорят, всех заперли и подожгли негасимым пламенем. Слышал, наверно, да?

– Даже видел, – пробормотал ошалевший ведьмак. – Во дворце что?

– Тут пока не ясно. Сплошные слухи, – расстроено пожаловался Лисвив. Жиденские брови плаксиво поползли к переносице. – Одни говорят, король прежний, Ильварад. Другие твердят, кто-то из его свиты под шумок на трон вскарабкался. Представь, да? Наследников с королевой тоже не видели со вчерашнего. Могли и зашибить в суматохе. Многих побили, ещё больше отравили. Ужин-то с сюрпризом был! В один вечер – всех недовольных хоп – и нету!

– И нет, – непроизвольно поправил его ведьмак, тяжело вставая со стула. – Я после заката зайду, если жив буду, а ты разузнай получше обо всём.

– Заходи. Может, кто из выбравшихся из дворца весточку подаст. Часть гостей могла и загоститься, да? – закивал головой Лисвив.

Вимер невесело изобразил подобие улыбки и направился к «Хромому Барду». О черно-волосом заносчивом эльфе там не слышали. Не было, не видели, не появлялся. Проплатив на всякий случай комнаты ещё на два дня, ведьмак возвратился в гостиницу. Чтобы не происходило, следовало докладывать Светлому Совету. Но только предупредить – в гибель главной королевской ведьмы он не поверит ни при каких условиях.

Со связью он решил не привлекать к себе внимания. Лучше помудрствовать, чем потом гадать, как унести ноги. С одной стороны, сейчас в общей неразберихе вызов Запредельного и полноценное общение с Советом становится гораздо проще – меньше шансов попасться прозатчикам. С другой – использовать переговорные камни пока не стоит. Вимер осторожничал и связался с одной из эльфийских глав – ведьмой Эвнуриель простейшим из доступных способов, всего-то выпив флакончик настоя грёз-цвета.

Сквозь невнятное бормотание окружающего его города пробился бледный образ эльфы. Чернявая, как её сводный брат Сольеваль, сгинувший во дворце, она сидела в кресле-коконе, опутанная лианой этого-самого грёз-цвета, полностью настроенная на общение с ирскими шпионами. Интересно, сколько она так протянет? Лиана пустила корни в позвоночник ведьмы, пышные белые цветы, одуряющее пахнувшие, раскрылись над её головой. Волосы торчали пучками, связанные молодыми побегами. Почуввав вызов, эльфа распахнула водянисто-светлые глаза и прошептала: «Слушаю тебя, слуга Великой Ири».

4

Наследник князя Кисо прошипел заковыристое ругательство, достойное образцового орка, но не утончённого эльфа, и с трудом выбрался из мусорного бака. Переночевать среди объедков и хлама – самое то занятие для высокородного. Ему, ирскому шпиону, будто делать нечего! Более занятым был бы, пожалуй, только побег через канализацию, да боги уберегли.

Опасливо прижимаясь к выкрашенному в весёленький салатный цвет мусорному баку, Сольеваль осмотрелся. Судя по положению солнца – скоро полдень. Следовательно – опасный дворец уже далеко, и это радует.

Тарахтящая повозка-вонючка везла богатую добычу – шесть баков и пару десятков мешков. Приглядевшись, эльф различил на некоторых кровавые пятна. Значит, так избавляются от неудобных гостей! Идея с побегом через канализацию уже не казалась высокородному столь неуместной.

Эльф гадливо поморщился, стряхнул с разорванной сорочки непонятного вида очистки и рыбью чешую, подобрался к бортику повозки, выглянул наружу. Вонючка катила по окраине Тардрагеи, минуя самые бедные большей частью деревянные кварталы.

Лёгким прыжком перелетев бортик, Сольеваль приземлился не очень удачно, зато метко – прямоком в лужу. Поднявшийся фонтан грязи обрызгал его до ушей, что очень развеселило двоих чумазных сорванцов, привязывавших к собачьему хвосту верёвочку с гвоздями и мелкими железками.

Один из сопляков швырнул в эльфа огрызком яблока, нисколько не заботясь о том, что наносит смертельное оскорбление высокородному. В душе Сольевала вскипела волна негодования и... опала. Ещё бы, он хоть не видел себя со стороны, представлял насколько зрелище жалкое: перемазанный, оборванный, остатки волос слиплись от грязи и крови, лицо покрывает постыдная щетина, а армат, коей он источает, может свалить с ног целую вражескую армию!

Метнувшись к серой стене дома напротив, Сольеваль погрозил пацанятам кулаком, и привёл себя в порядок. Лёгкая иллюзия не помешает. Теперь он одет не богато, не броско, зато на вид чисто, и запаха почти не чувствуется. До «Хромого Барда» добраться можно, а там он отмоется как следует.

Мельком взглянув на обидчиков, он усмехнулся – глаза наблюдавших за метаморфозой сорванцов округлились, и, едва эльф шагнул от стены, ребята задали стрекоча, резво сминая голыми пятками грязь. Ничего не подозревавшая о «сюрпризе» на хвосте дворняга осталась сидеть на земле.

В голове Сольевала промелькнула мысль избавить животное от неприглядной участи, да гордый нрав возобладал: он, наследник князя, будет пачкать руки о блохастую тварь, не сулящую выгоды!

Эльф захромал в сторону города, уже с содроганием представляя язвительные замечания ведьмака. Шпага утеряна, половина волос на голове спалена, сам он воняет, как будто родился у орка под мышкой, ещё и колье не вернул. А человек всё припомнит, высмеет сейчас и по прибытии в Ирь...

Ужас пережитой ночи накатывал тошнотворными волнами. Кто бы мог подумать, что все усилия Ири окажутся тщетными, и Кавира сломается сама собой, от тяжести интриг? В качающемся мареве дурноты всплыло круглое раскрасневшееся лицо короля в окружении унижено расшаркивающейся знати, бледный лик королевы, мелькнувший и растворившийся, едва сиятельная Тара сообщила, что всю королевскую семью в Лирадре вчера повесили мятежники.

Загрохотала очередная повозка. Сольеваль вжался в стену, чуть не толкнув под колёса пьянчужку. Пьянчужка с готовностью просветил эльфа на тему местной бранной лексики и заковылял мимо давно некрашенных деревянных домов.

«Грязные людишки, вы даже собственную столицу привести в порядок не можете, давно бы вывели всю шелуху своего рода за порог поближе к лесам и топам», – дёрнулся от отвращения эльф.

Постепенно город приобрёл более здоровый вид, выпрямился, перепрыгнул порог вначале в один, а затем и в два этажа, потянулся ввысь, посветлел, расправил крылья мостов над каналами, выверил по линейке архитектора стрелы улиц. Фасады домов вытянулись, украсились лепниной и пилястрами. Появились широкие площади, на которых из плодородной земли «прорастали» статуи и фонтаны...

Сольевало же было не до знакомства с достопримечательностями. Способные видеть сквозь морок чародеи, коих с приближением к центру встречалось всё больше, презрительно усмехались ему в лицо. Молоденький орчонок, даровитый не по годам, даже показал несчастному эльфу неприличный жест. А эльф чувствовал себя чересчур паршиво, чтобы ответить.

Ключья воспоминаний грязной пеной всплывали на поверхность сознания. Вечер, танцы, рассеянный свет разноцветных люстр с высоких потолков и обилие зеркал на стенах... Духовой оркестр надрывается, играя нечто бравурное и одновременно лёгкое, кружащееся, точно осенние листья в просыпающемся с рассветом лесу. В бокалах пенится тьевское игристое, легко пьющееся, пьянящее хуже неразведённого спирта. Смеются и сплетничают дамы, а кавалеры наоборот чопорны и сдержаны. В толпе мелькают опасно-знакомы лица. Не смотреть, даже мысленно не называть их имён. Возьмут одного, могут пропасть все...

Великая Ирь предусмотрительна. У каждой из восьми основных пар посланцев с разными и, несомненно, важными заданиями, есть пара дублёров. Была поначалу. Дублёров их команды Вечная повесила совсем недавно. Не привлечь бы её внимания...

К нему, посланнику знаменитого ирского мастера Нарсо (эльф даже не представлял, что ведьмак так знаменит) одна за другой подходят женщины, листают альбом, жадно трогают возникающие на страницах иллюзорные украшения, меряют их, крутятся перед зеркалом, пока иллюзия не тает. И блестящие тени рукотворных сокровищ, о, ужас, привлекают их гораздо больше его собственной красоты.

Мужья, слышав цену очередного шедевра, бледнеют, почти всегда извиняются, оттаскивают готовых на всё ради непомерно дорогой погрешушки жен от искуителя-эльфа, в полголоса отчитывают благоверных за расточительство, хмурия брови и кидая в сторону чужестранца сердитые взгляды.

Другие выпрашивают про оружие, пытаются выяснить, против каких заклинаний создаёт мастер чудесные клинки. Но Вимер не предупреждал посланника об этой стороне своих увлечений, и эльф только разводит руками, подавляя в сердце опасные ростки неожиданной зависти.

Краем уха можно расслышать, как Тара поясняет обрюзгшему вельможе, что клинки мастера Нарсо просто так купить нельзя, ибо те сами выбирают себе хозяев. Немногие купцы берут один-два клинка у знаменитого ведьмака, чтобы потом в течение нескольких лет искать покупателя для редкого сокровища. Зато когда таковой отыщется, подержит в руках сияющий шедевр, купец с лихвой возместит себе все затраты. Новый хозяин будет готов отдать последнее за поющую в руке сталь.

В неумелых, непредназначенных для зачарованного оружия руках клинок останется милой игрушкой, не поддающейся заточке, неудобной в бою. Так, на стену повесить, перед гостями хвастаться... Нерентабельно.

От рассказов ведьмы в душу заносчивого эльфа червяком протачивает ходы невольное уважение к напарнику, не умаляя при этом зависти.

А музыка кружит, туманит. Уже не духовой оркестр, а двое скрипачей, точно стремясь обогнать друг друга, играют на износ, на разрыв струн и сердец, ведя музыкальную дуэль. И от этой мелодии в души закрадывается тревога – первая пророчица трагического исхода вечера.

Молодой даме становится дурно. Она нелепо падает, опрокидывая со стола графин с соком. Желтая жидкость заливает атласное в кружевах платье, оставляя некрасивые разводы. Даму уносят. Но через пару минут плохее седому господину с массивной золотой цепью на шее. «Такой цепью хорошо диких зверей приковывать», – нестати думается эльфу. По толпе гостей пробегает испуганный шепоток. Король делает небрежный жест лакеям приоткрыть одно из окон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.